

В СПИСКЕ СТА ЛУЧШИХ КНИГ
ПО ВЕРСИИ BBC NEWS И GUARDIAN

Крестики и нолики

Мэлори Блэкмен
Крестики и нолики

«Popcorn books»

2001

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Блэкмен М.

Крестики и нолики / М. Блэкмен — «Popcorn books»,
2001 — (Крестики и нолики)

ISBN 978-5-6046532-5-8

В альтернативном мире общество поделено на два класса: темнокожих Крестов и белых нулей. Сеффи и Каллум дружат с детства — и вскоре их дружба перерастает в нечто большее. Вот только они не могут позволить себе проявлять эти чувства. Сеффи — дочь высокопоставленного чиновника из властвующего класса Крестов. Каллум — парень из низшего класса нулей, бывших рабов. В мире, полном предубеждений, недоверия и классовой борьбы, их связь — запретна и рискованна. Особенно когда Каллума начинают подозревать в том, что он связан с Освободительным Ополчением, которое стремится свергнуть правящую верхушку...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-6046532-5-8

© Блэкмен М., 2001
© Popcorn books, 2001

Содержание

Отзывы	6
Пролог	7
Три года спустя	11
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	23
Глава 4	26
Глава 5	29
Глава 6	31
Глава 7	32
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	38
Глава 11	39
Глава 12	42
Глава 13	43
Глава 14	44
Глава 15	46
Перелом	48
Глава 16	48
Глава 17	50
Глава 18	52
Глава 19	53
Глава 20	54
Пикник	56
Глава 21	56
Глава 22	57
Глава 23	58
Глава 24	59
Катастрофа	62
Глава 25	62
Глава 26	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Мэлори Блэкмен

Крестики и нолики

NOUGHTS & CROSSES by Malorie Blackman

Copyright © Oneta Malorie Blackman, 2001

Artwork © Fruzsina Czech, 2021

© А. Бродоцкая, перевод на русский язык, 2022

© Popcorn Books, издание на русском языке, оформление, 2022

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

* * *

В 2003 году я написала рассказ под названием «Око за око» ко Всемирному дню книги. Его действие происходит после «Крестиков и ноликов», но до событий второй книги под названием «Клинок». Поскольку уже через год после выхода в свет книгу стало трудно достать и к нам с издателем постоянно обращались с просьбами допечатать тираж, мы включили «Око за око» в это издание. Читайте с удовольствием!

A handwritten signature in black ink that reads "Malorie Blackman". The signature is fluid and cursive, with a long horizontal line extending from the end of the name.

ОТЗЫВЫ

Содержит мощные политические мотивы, которые несомненно вызовут отклик у читателя.

При этом Блэкмен вовсе не жертвует сюжетом, неизменно динамичным, драматическим и смелым.

Guardian

Книга, которая оставит долгое послевкусие и наверняка заставит юных читателей снова и снова задумываться о культурных стереотипах, встречающихся на их пути.

Observer

Сокрушительно и мощно.

Guardian

Сильная история о расовых предрассудках.

Sunday Times

Эту книгу я с любовью посвящаю своему мужу Нилу и нашей дочери Элизабет

Кое-что никогда не изменится.

Так устроена жизнь.

Только не надо в это верить.

Bruce Hornsby and the Range

Пролог

– Честное слово, миссис Хэдли! – Мэгги Макгрегор вытерла глаза. – Умеете вы пошутить – я чуть со смеху не лопнула!

Джасмин Хэдли позволила себе хихикнуть, что делала редко.

– С вами я могу делиться всем на свете, Мэгги. Мне повезло, что мы хорошие подруги!

Улыбка Мэгги погасла, но лишь на миг. Она поглядела в дальний конец просторного патио – на Каллума и Сеффи. Ее сын и дочь ее работодателя. Они дружили и часто играли вместе. По-настоящему дружили. Никаких секретов. Никаких преград. До поры до времени, конечно. Стоял обычный июньский денек, ясный, солнечный – ни облачка в небе, по крайней мере над владениями Хэдли.

– Простите, миссис Хэдли...

Из дома к ним вышла Сара Пайк, секретарша миссис Хэдли. Русые волосы до плеч и робкие зеленые глаза, словно бы вечно испуганные.

– Извините, что побеспокоила, но приехал ваш муж. Он в кабинете.

– Камаль приехал?! – оторопела миссис Хэдли. – Спасибо, Сара. – Она повернулась к Мэгги. – В четвертый раз за несколько месяцев! Большая честь для нас!

Мэгги сочувственно улыбнулась, крепко и надежно держа язык за зубами. Не хватало еще впутываться в очередной неизбежный скандал между Камалем Хэдли и его женой. Миссис Хэдли поднялась и направилась в дом.

– Ну что, Сара, как там мистер Хэдли? – Мэгги понизила голос. – Как вам показалось, он в хорошем настроении?

Сара помотала головой:

– По-моему, вот-вот взорвется.

– Почему?

– Понятия не имею.

Мэгги молча обдумала услышанное.

– Побегу работать, – вздохнула Сара.

– Попить не хотите? – Мэгги показала на кувшин с имбирным лимонадом на садовом столике.

– Нет, спасибо. Не хотелось бы получить выговор... – Сара поежилась и убежала в дом.

Чего она боится? Мэгги вздохнула. Сколько она ни старалась подружиться с Сарой, та изо всех сил соблюдала дистанцию. Мэгги снова повернулась посмотреть на детей. Вот кому живется проще простого. Главная забота – что подарят на день рождения. Главное огорчение – когда пора спать. Может, у них все сложится по-другому... лучше. Мэгги заставляла себя верить, что у детей все сложится лучше, а иначе к чему все это?

В тех редких случаях, когда у Мэгги выдавалась свободная минутка, она не могла удержаться от того, чтобы немножко поиграть в «А вдруг...». Не в такое большое «А вдруг...», какие иногда позволял себе ее муж, – вроде «А вдруг появится такой вирус, который истребит только Крестов и не тронет ни одного нуля?» или «А вдруг будет революция, и Крестов свергнут? Убьют? Сотрут с лица земли?». Нет, Мэгги Макгрегор не считала нужным тратить время на смелые фантазии глобального масштаба. Ее мечты были более конкретными и еще более недостижимыми. Все они вертелись вокруг одного. А вдруг Каллум и Сеффи... А вдруг Сеффи и Каллум...

Мэгги ощутила особое жжение сзади на шее. Повернулась и обнаружила, что в патио стоит мистер Хэдли и смотрит на нее с донельзя странным выражением.

– Что-то случилось, мистер Хэдли?

– Да. Ничего, переживу. – Мистер Хэдли подошел к столику и навис над Мэгги. – Вы о чем-то глубоко задумались. Не хотите поделиться?

Смущенная его появлением, Мэгги начала:

– Я всего-навсего думала о своем сыне и вашей дочери. Наверное, было бы славно, если бы они...

Она в ужасе прикусила язык, но было уже поздно.

– Что было бы славно? – медовым голосом уточнил мистер Хэдли.

– Если бы они могли... могли навсегда остаться такими, как сейчас. – Мистер Хэдли приподнял брови, и Мэгги затараторила: – В смысле, не взрослеть. Они такие очаровательные в этом возрасте – в смысле, дети. Такие... такие...

– Да, безусловно.

Молчание.

Камаль Хэдли сел. Из кухни показалась миссис Хэдли и прислонилась к косяку. Вид у нее был странный, настороженный. Мэгги стало не по себе. Она сделала движение, чтобы встать.

– Я так понимаю, вы вчера прекрасно провели время. – Мистер Хэдли улыбнулся Мэгги.

– П-прекрасно провели время?..

– Вчера вечером, – подсказал мистер Хэдли.

– Да. Был довольно спокойный...

Мэгги растерялась. Она переводила взгляд с мистера на миссис Хэдли и обратно. Миссис Хэдли буравила ее взглядом. Что происходит? В саду словно бы похолодало на несколько градусов, а мистер Хэдли, несмотря на все свои улыбки, явно был вне себя от злости на что-то – или на кого-то. Мэгги с трудом сглотнула. Она в чем-то провинилась? Вроде бы нет, но, право слово, с этими Крестами словно ступаешь по минному полю.

– Так чем же вы занимались? – не отставал мистер Хэдли.

– Что, простите?

– Вчера вечером? – Улыбка у мистера Хэдли была самая дружеская. Даже слишком.

– Я... мы сидели дома, смотрели телевизор, – медленно выговорила Мэгги.

– До чего же приятно провести тихий вечер дома, в кругу семьи, – согласился мистер Хэдли.

Мэгги кивнула. А он, интересно, какого ответа ждал? Что происходит?! Мистер Хэдли поднялся – от улыбки осталось одно воспоминание. Подошел к жене. Они стояли и смотрели друг на друга; секунды все шли и шли. Миссис Хэдли начала выпрямляться. Мистер Хэдли безо всякого предупреждения наотмашь ударил жену по лицу. Удар был такой силы, что голова миссис Хэдли мотнулась назад и ударилась о косяк.

Мэгги вмиг вскочила на ноги, громко ахнула от ужаса, вскинула руку в безмолвном протесте. Камаль Хэдли наградил жену взглядом, полным такого презрения и отвращения, что миссис Хэдли съежилась. Не обменявшись с ней больше ни словом, мистер Хэдли ушел в дом.

– Вы как? – Мэгги невольно протянула руку, чтобы осмотреть пострадавшую скулу миссис Хэдли.

Миссис Хэдли оттолкнула ее руку. Мэгги озадаченно сдвинула брови и попробовала еще раз. То же самое.

– Уйдите, – зашипела на нее миссис Хэдли. – Мне нужна была ваша помощь, а вы меня подвели.

– Как? Что?!

Только тут до Мэгги наконец дошло, что она сделала. Очевидно, миссис Хэдли сослалась на Мэгги как на алиби на вчерашний вечер, а Мэгги сообщала медленно и не поняла, о чем ее на самом деле спрашивает Камаль Хэдли.

Рука Мэгги безвольно повисла.

– Я, наверное, пойду поработаю...

– Да, пожалуй, так будет лучше всего.

Миссис Хэдли повернулась и удалилась в дом, смерив Мэгги ядовитым взглядом.

Мэгги огляделась. Каллум и Сеффи все так же играли в дальнем конце просторного патио – случившегося они не заметили. Мэгги стояла и смотрела на них, пытаясь уловить хоть частичку их чистой радости от общения друг с другом. Ей нужно было что-то хорошее, какая-то опора. Но даже их далекий смех не развеял наползавших на нее из глубины дурных предчувствий. Что теперь будет?

Вечером Мэгги сидела за столом и чинила и без того латанные-перелатанные школьные брюки Джуда.

– Мэгги, ты разволновалась из-за ерунды, вот увидишь, – вздохнул ее муж Райан.

– Ты не видел, какое лицо у нее сделалось, Райан. А я видела. – Мэгги откусила нитку и взялась за следующую заплатку. В школьных брюках Джуда было уже больше заплаток, чем первоначальной ткани.

Задребезжал телефон. Мэгги схватила трубку на первом же звонке.

– Алло?

– Мэгги Макгрегор?

– Да, я.

Шитье Мэгги упало к ее ногам.

– Это Сара Пайк...

Мэгги мгновенно услышала нотки извинений в ее голосе.

– Привет, Сара, как дела?

– Нормально... э-э... Хорошо. Понимаете, у меня плохая новость...

Мэгги медленно кивнула:

– Слушаю.

Сара смущенно закашлялась и только потом продолжила:

– Миссис Хэдли попросила меня сообщить вам, что... что в доме Хэдли в ваших услугах больше не нуждаются. Она оплатит вам четыре недели работы, поскольку не предупредила заблаговременно, и даст хорошие рекомендации.

У Мэгги кровь застыла в жилах. Она ожидала чего угодно, только не этого. Господи боже мой, только не этого.

– Она... она меня правда уволила?

– К сожалению, да.

– Ясно.

– Я очень сочувствую, честное слово. – Сара понизила голос до шепота. – Скажу по секрету: я считаю, так с людьми не поступают. Между нами, нулями...

– Не надо, Сара. Вы тут ни при чем, – ответила Мэгги. И посмотрела на Райана.

Лицо его постепенно каменело. Что ж, пусть он сердится. Пусть злится. Сама Мэгги не ощущала ничего, кроме пустоты. И эта пустота была гораздо больше, чем внезапно нахлынувшее на нее оцепенение.

– Сочувствую, Мэгги, – повторила Сара.

– Все нормально. Спасибо, что сообщили, Сара. Пока.

– Пока.

Мэгги положила трубку. Часы на телевизоре отсчитывали безмолвные секунды.

– Вот и конец учебе Джуда, – вздохнула она.

– Но мы обещали ему оплатить школу! – ошеломленно проговорил Райан.

– Чем оплатить? – напустилась Мэгги на мужа. – Деньги на деревьях не растут! И на ногах вместо волос тоже! Чем?!

– Придумаем что-нибудь...

– Что? Мы и так едва сводили концы с концами. Как нам прожить без моей зарплаты? Теперь Джуд может забыть о школе. Теперь он пойдет работать.

– Ты найдешь себе другое место, – отважился вставить Райан.

– В другую семью Крестов? Кто меня возьмет? Думаешь, миссис Хэдли будет спокойно сидеть и смотреть, как я устраиваюсь к кому-то из ее подруг?

До Райана наконец дошло, что она пытается до него донести, и в глазах его проступил ужас.

– Вот именно. – Мэгги вздохнула.

Она поднялась и пересела к мужу на старый диван перед камином. Райан обнял ее за плечи. Они молча просидели так долго-долго.

– Райан, у нас беда, – произнесла наконец Мэгги.

– Знаю, – отозвался Райан.

Мэгги вскочила на ноги, лицо ее стало суровым и решительным:

– Пойду поговорю с ней.

– Что ты задумала? – нахмурился Райан.

– Я работаю на эту женщину четырнадцать лет, с тех пор, когда она еще только ждала свою старшую, Минерву. Я имею право поговорить с ней лично, это как минимум!

– Ни к чему хорошему это не приведет. – Райан нахмурился еще сильнее.

– Райан, мне надо вернуть себе работу. Если придется унижаться – что ж, так и быть, – возразила Мэгги и надела пальто. Лицо у нее стало будто гранитная маска.

– Мэгги, не стоит...

– Мне это тоже не нравится, но другого выхода у нас нет.

Продолжать спор Мэгги не стала и двинулась к двери.

Райан смотрел вслед жене. Добром это не кончится. Он прямо чувствовал.

Мэгги вернулась через два часа.

В ту самую ночь пропала Линетт.

Три года спустя Каллум и Сеффи

Глава 1 × Сеффи

Я пошевелила пальцами на ногах – до чего же приятно щекочется между ними теплый песок, точь-в-точь нежная детская присыпка. Закопалась ногами поглубже в этот песок, сухой, желтовато-белый – и запрокинула голову. Стоял восхитительный августовский денек. В такие дни никогда не случается ничего плохого. А еще приятнее, что мне было с кем это обсудить – увы, я прекрасно знала, какая это редкость и драгоценность. Я повернулась к сидевшему рядом мальчишке и улыбнулась от уха до уха.

– Можно тебя поцеловать?

Улыбка у меня погасла. Я вытаращилась на своего лучшего друга:

– Чего?!

– Можно тебя поцеловать?

– С какой радости?

– Просто узнаем, как это, – ответил Каллум.

Фу! То есть фу-у-у-у! Я невольно наморщила нос. Целоваться?! Почему это Каллуму в голову взбрело заниматься такими... такими глупостями?

– Ты правда хочешь? – уточнила я.

Каллум пожал плечами:

– Ага.

– Ну ладно тогда. – От этой перспективы я снова наморщила нос. – Только побыстрее.

Каллум перекатился на живот и встал на колени рядом со мной. Я повернула к нему голову – мне с каждой секундой было все любопытнее, что он сделает дальше. Наклонила голову влево. Он тоже. Наклонила голову вправо. Каллум сделал то же самое. Он двигал головой, будто мое отражение. Я взяла Каллума за щеки, чтобы не вертелся, нацелила его по центру и сердито спросила:

– Как ты хочешь, чтобы я наклонила голову, влево или вправо?

– Хм... а куда девочки обычно наклоняют голову, когда их целуют? – поинтересовался Каллум.

– Какая разница? И вообще – мне-то откуда знать? – Я обиделась. – Я что, раньше с мальчиками целовалась?

– Тогда влево.

– В мое лево или в твое лево?

– Э-э... в твое.

Я сделала, как попросили, и сказала:

– Давай скорей, а то у меня шею сведет.

Каллум облизал губы, а потом медленно наклонился поближе ко мне.

– Ой, нет, ты что! – Я отпрянула. – Ну-ка вытри губы.

– Почему?

– Ты их только что облизал.

– Ой, ну ладно! – Каллум вытер рот тыльной стороной ладони.

Я подалась вперед и приняла прежнюю позу. Крепко сжав губы, я стала думать, что мне положено ими делать. Надуть, чтобы немного выпятились? Или улыбнуться, чтобы рот стал

больше и привлекательнее? До сих пор я тренировалась целоваться только с подушкой. Тогда все было иначе – и так же по-дурацки!

– Ну, скорее! – потребовала я.

Глаза я держала открытыми, чтобы видеть, как Каллум наклоняется ко мне. Серые глаза Каллума тоже были открыты. Я едва не окосела – так старалась смотреть ему прямо в лицо. А потом его губы прикоснулись к моим. Очень странно! Я думала, губы у Каллума сухие, жесткие и чешуйчатые, будто ящеричья кожа. А нет. Они были мягкие. Каллум закрыл глаза. Секунду спустя я тоже закрыла. Наши губы соприкасались. Каллум приоткрыл рот, заставив и меня сделать то же самое. Дыхание Каллума смешалось с моим – сладкое и теплое. А потом он без предупреждения прикоснулся языком к моему языку.

– Фу! – Я тут же отпрянула, высунула язык и вытерла его рукой. – Это еще зачем?

– Не так уж и плохо было, правда?

– Не смей совать язык мне в рот. – Я замотала головой.

– Почему?

– Потому что... – От одной мысли меня передернуло. – Потому что у нас слюни перемешаются.

– Ну и что? Так положено.

Я задумалась.

– Ну?

– Ладно, ладно! – И я сердито добавила: – Чего я только ни делаю ради тебя! Давай еще разок попробуем.

Каллум улыбнулся мне, в глазах блеснули знакомые искорки. Такой уж он, Каллум: смотрит на меня по-особенному, и я сама не знаю, смеется он надо мной или нет. Не успела я передумать, как губы Каллума уже прижались к моим – по-прежнему мягкие и нежные. Его язык снова скользнул ко мне в рот. На миг в голове пронеслось «фу!», а потом я обнаружила, что это совсем не противно. И даже довольно приятно – из серии «подумать мерзко, а делать нормально». Я закрыла глаза и ответила на поцелуй Каллума. Его язык лизнул мой. Он был теплый и влажный, но тошнить меня не потянуло. А потом я лизнула его в ответ. Мне стало как-то странно. Сердце заколотилось неровно, будто его одолела икота, и у меня возникло ощущение, будто я лечу по американским горкам и ничего не могу поделать. Внутри словно узел завязался. Я отодвинулась.

– Хватит.

– Прости. – Каллум сел.

– А чего ты извиняешься? – удивилась я. – Тебе что, не понравилось?

Каллум пожал плечами:

– Нормально.

Мне стало обидно. Я сама не понимала почему, но ничего не могла поделать.

– А ты целовал других девочек, кроме меня?

– Нет.

– Девочек-Крестов?

– Нет.

– Девочек-нулей?

– Я же сказал: нет! – Каллум раздраженно фыркнул.

– Тогда почему ты захотел поцеловать меня?

– Ну, мы же друзья, правда? – Каллум снова пожал плечами.

Я невольно заулыбалась:

– Конечно.

– Кого ж тогда целовать, если не друзей? – ухмыльнулся Каллум.

Я повернулась к морю. Оно сверкало, будто разбитое зеркало, – каждый кусочек ослепительно блестит и отражает свет по-своему. Я не уставала удивляться, какими прекрасными могут быть пляж, и море, и нежный ветерок на лице. Наш частный семейный пляж был тогда моим самым любимым местом на всем белом свете. Километры побережья – и все это наше, и на нем нет ничего, только с обоих концов по табличке, что это частная собственность, и по старому деревянному забору, в котором мы с Каллумом проделали дырки. И я сидела в моем самом любимом месте с моим самым любимым человеком. Я снова посмотрела на Каллума. А он смотрел на меня – с очень странным выражением.

– Ты чего?

– Ничего.

– О чем ты думаешь? – спросила я.

– О нас с тобой.

– И что мы?

Каллум тоже уставился на море:

– Иногда так хочется, чтобы во всем мире остались только мы.

– Да мы бы друг от дружки озверели, – поддразнила я его.

Сначала я решила, что он не ответит.

– Сеффи, ты никогда не мечтала просто взять и... сбежать? Сесть на первый попавшийся корабль или самолет, и пусть он унесет тебя куда глаза глядят. – В голосе Каллума прозвучали тоскливые нотки. – Я вот мечтаю.

– Куда бы ты хотел?

– В этом-то все и дело, – сказал Каллум с неожиданной горечью. – Этот город будто целый мир, а целый мир – будто этот город. Куда же мне податься?

– Здесь не так уж плохо, – тихо заметила я.

– Как посмотреть, – ответил Каллум. – Ты смотришь изнутри, Сеффи. Я – нет.

Я не могла придумать, что ответить, поэтому промолчала. Мы еще немного посидели в тишине.

– Куда бы ты ни подался, я с тобой, – постановила я наконец. – Хотя я тебе быстро надоем.

Каллум вздохнул. Протяжно, прочувствованно – и от этого вздоха у меня сразу возникло ощущение, что я не прошла какую-то проверку, хотя даже не знала, что меня проверяют.

– Ладно, проехали, – проговорил наконец Каллум. – Что будет сегодня на уроке, госпожа учительница?

Меня обдало волной обиды. Только чего я ждала? «Сеффи, ты мне никогда не надоешь, рядом с тобой мне никогда не будет скучно. Ты восхитительная, искрометная, невероятная!» Ага, сейчас! Размечталась, Сеффи!

– Так что у нас на сегодня? – поторопил меня Каллум.

– Да погоди ты! – разозлилась я. Во дает! Солнышко такое теплое, море такое синее – а он про уроки! – Каллум, ты уже сдал вступительный экзамен. Зачем нам дальше заниматься?

– Не хочу давать учителям повод выгнать меня.

– У тебя еще учеба не началась, а ты уже думаешь, что тебя выгонят? – оторопела я. Почему он относится к моей школе с таким предубеждением? – О чем ты беспокоишься? Тебя уже приняли. В школе решили, что ты подходишь.

– Приняли и решили, что я подхожу, – это разные вещи. – Каллум пожал плечами. – Кроме того, я хочу выучить как можно больше, чтобы не выглядеть полным идиотом.

Я вдруг выпрямилась и с жаром воскликнула:

– Мне только что пришло в голову: может, ты попадешь в наш класс? Вот бы и правда... Это же будет здорово!

– Ты серьезно так думаешь?

Я попыталась скрыть обиду – и, похоже, не получилось.

– А ты считаешь, нет?

Каллум посмотрел на меня с улыбкой.

– Нельзя отвечать вопросом на вопрос, – поддел он меня.

– Почему? – Я выдавила ответную улыбку.

Каллум застал меня врасплох и повалил на песок. Я возмущенно вскочила, встала перед ним на коленки.

– Тебе что, не хочется? – Я фыркнула.

– Да нет, наверное. – Каллум усмехнулся.

Мы поглядели друг на друга и расхохотались. Я перестала первая.

– Каллум, тебе разве... тебе правда не хочется попасть в один класс со мной?

Каллум не мог смотреть мне в глаза.

– Это немного... унижительно для нас, нулей, учиться в одном классе с малышами.

– Ты чего? Я не малыш! – Я вскочила на ноги и сердито поглядела на него сверху вниз.

– Ну тебя, Сеффи! Мне пятнадцать, между прочим! А через полгода будет шестнадцать, а меня запикивают к детишкам, которым двенадцать-тринадцать. Тебе самой понравилось бы учиться в одном классе с детьми на год младше? – спросил Каллум.

– Мне? Ну... – Я села обратно.

– Вот именно!

– Мне через три недели будет четырнадцать, – сказала я, решив довести разговор до конца.

– Дело не в этом, сама понимаешь.

– Но в школе же объяснили почему. Вы все отстаёте по меньшей мере на год, и...

– А кто виноват? – Каллума вдруг прорвало. – Ещё несколько лет назад нам вообще разрешали учиться только до четырнадцати и только в школах для нулей, на которые выделяют в четыре раза меньше денег, чем на ваши!

Ответить мне было нечего.

– Прости. Я не хотел на тебя орать.

– Ты и не орал, – ответила я. – А кто-нибудь из твоей старой школы идет с тобой в Хиткрофт?

– Нет. Никого не приняли, – ответил Каллум. – Я бы тоже не прошел, если бы ты меня не подтягивала.

Это прозвучало будто обвинение. Мне захотелось извиниться, только непонятно за что.

Каллум вздохнул:

– Ладно, давай заниматься.

– Хорошо. – Я повернулась и полезла в сумку за учебниками. – Что сначала – математика или история?

– Математика. Люблю математику.

– Фу! – Я помотала головой.

Какой нормальный человек может любить математику? Я больше всего любила языки, а на втором месте у меня стояли биология человека, социология и химия. Математика с физикой боролись за последнее место.

– Ну и пожалуйста. Математика так математика. – Я наморщила нос. – Я тебе расскажу, что мы повторяли на той неделе, а ты мне все объясни!

Каллум засмеялся:

– Зря ты не жалуешь математику. Это универсальный язык.

– Кто тебе сказал?

– Так все разумные люди говорят. Сама подумай, сколько на планете разных языков. Единственное, что на всех языках одинаково, – это математика. Наверняка и на других планетах так же.

– Чего?!

– Скорее всего, мы именно так и будем разговаривать с пришельцами с других планет, когда они прилетят или когда мы до них доберемся. На языке математики.

Я вытаращилась на Каллума. Иногда говоришь с ним – и разница в семнадцать месяцев превращается в семьдесят лет.

– Не морочь мне голову!

Улыбка Каллума ответом не считалась.

– Прекрати! У меня будет мигрень. – Я нахмурилась. – А можно просто поучить математику, как в учебнике, а про пришельцев поболтать потом?

– Пожалуйста, – произнес Каллум после паузы. – Только, Сеффи, нельзя думать о нас одних, надо мыслить масштабнее. Нужно думать и о других культурах, и о других планетах, и вообще – о будущем, например. Нужно расширять кругозор.

– Вот спасибо! У меня будет масса времени подумать о будущем, когда я совсем составлюсь и никакого будущего у меня не останется. И кругозор у меня и так широкий.

– Правда? – медленно проговорил Каллум. – На нас, нулях, и вас, Крестах, свет клином не сошелся.

Сердце у меня екнуло. Слова Каллума больно укололи меня. Почему?

– Не надо говорить...

– Чего не надо говорить?

– Про нас, Крестов, и вас, нулей, – я замотала головой. – А то получается... получается, что ты в одном месте, я в другом, а между нами высоченная толстая стена.

Каллум поглядел на море:

– Может, мы и правда в разных местах...

– А вот и нет. Если не хотим, значит, и не будем. – Я сосредоточилась, чтобы силой мысли заставить Каллума посмотреть на меня.

– Если бы все было так просто... – сказал он.

– Все именно так просто.

– Может, с твоей точки зрения... – Каллум наконец повернулся ко мне, но взгляд у него был такой, что я мигом проглотила все, что собиралась сказать. А потом лицо его прояснилось, беспечная улыбка вернулась, будто ничего и не было. – Ты еще маленькая, Сеффи.

– Я младше тебя всего на год с небольшим, так что нечего тут посматривать на меня свысока! – вспыхнула я. – Мне этого и дома хватает!

– Ну ладно, ладно, извини. – Каллум примирительно поднял руку. – Так как насчет математики?

Я раскрыла учебник, еще кипя от обиды. Каллум подошел ближе, и у нас соприкоснулись локти. Кожа его была теплая, даже горячая – или это моя? Не разобрать. Я сунула ему учебник и заметила, как его сразу же увлекли картинки с многоугольниками.

Каллум был единственным человеком на свете, кому я могла рассказать все что угодно, не задумываясь. Почему же у меня возникло ощущение, будто... будто мы с ним идем не в ногу? Будто он оставил меня далеко позади? Словно бы он стал гораздо старше меня, и дело не в годах, а во всем, что он знал и пережил. Взгляд у него был совсем не пятнадцатилетний. А у меня в глазах отражался мой настоящий возраст, четырнадцать лет без почти месяца. Ни днем меньше и определенно ни днем больше. Я не хотела, чтобы между нами что-то изменилось, – ни за что. Но в этот миг у меня возникло ощущение, что с тем же успехом я могла бы подбежать к воде и велеть морю замереть навеки.

– Как это вычисляют? – спросил Каллум, указывая на внутренний угол правильного восьмиугольника.

Я трянула головой и велела себе не душить. Между нами с Каллумом никогда не будет никаких преград. Я этого не допущу. И Каллум тоже. Наша дружба нужна ему не меньше, чем мне.

Нужна... Странно я выразилась. Почему мне так подумалось? Про дружбу, которая нужна нам обоим? Чепуха какая-то. У меня и в школе хватает друзей. И вдобавок большая разветвленная семья с двоюродными братьями и сестрами, тетушками и дядюшками и великим множеством всяких пра- и прапра-, которым полагается посылать открытки на Крестовство и день рождения.

Но у нас с Каллумом по-другому. Каллум нетерпеливо вскинул голову. Я ему улыбнулась. Он на миг озадачился, а потом улыбнулся в ответ.

– Смотри, – начала объяснять я, и мы устали в книжку.

– Пора по домам, а то твоя мама всю полицию в округе отправит тебя искать, – сказал наконец Каллум.

– Похоже, да. – Я подобрала сандалии и встала на ноги. Тут меня осенила блестящая мысль: – А давай пойдем к тебе! Я у тебя сто лет не была, а оттуда можно позвонить маме и...

– Лучше не надо. – Каллум замотал головой. Вообще-то он начал мотать головой, как только с моих губ сорвались первые слова этой фразы. Взял мою сумку и повесил на плечо.

Я покосилась на Каллума:

– Мы же раньше постоянно друг к другу в гости ходили...

– Раньше. Давай сделаем паузу, хорошо?

– Почему ты больше не зовешь меня к себе? Мне что, там не рады?

– Рады, естественно. Но на пляже лучше. – Каллум пожал плечами и зашагал прочь.

– Это из-за Линетт? Если да, мне, честное слово, неважно, что твоя сестра... что она...

Я осеклась при виде яростной гримасы на лице Каллума.

– Что она что? – свирепо спросил он.

– Ничего. – Я вздохнула. – Извини.

– Линетт здесь ни при чем! – рявкнул Каллум.

Я тут же прикусила язык. Что со мной сегодня – обострение бестактности? Мы шли домой молча. По каменным ступеням, за долгие столетия отполированным множеством ног до атласной гладкости, потом вдоль скальной гряды, все дальше и дальше вглубь суши и от моря. Я смотрела на просторный луг, за которым высился дом, служивший главной приметой пейзажа на несколько километров вокруг. Загородная резиденция моих родителей. Семь спален, пять гостиных – на четверых человек. К чему столько? Четыре человека в таком огромном доме, четыре одинокие горошинки катаются в пустой жестянке. До дома оставалось еще довольно далеко, но он высился над нами, словно всевидящий великан. Я притворилась, будто не замечаю, как при виде него ежится Каллум. Нечего удивляться, что царящий в его доме смех я предпочитаю чопорной тишине своего жилища. Мы молча прошагали еще несколько минут, а потом шаги Каллума замедлились и вовсе остановились.

– Что случилось? – спросила я.

– Ну, просто... – Каллум повернулся ко мне лицом. – Неважно. Обними меня.

Почему это Каллума сегодня потянуло на телячьи нежности? Я на миг опешила, а потом решила не спрашивать. Каллум стал какой-то другой. Искорки в его глазах, которые я принимала за постоянную насмешку надо мной, исчезли без следа. Глаза у него стали серые, как грозовые тучи, и такие же беспокойные. Он провел пальцами по коротко стриженным каштановым волосам – словно бы нервничал. Я распахнула объятия и шагнула к Каллуму. Обхватила его руками, положила голову ему на плечо. Он тоже обнял меня и стиснул до того сильно, что я и слова не могла выдать. Я задержала дыхание, чтобы не было так больно. Едва я решила, что пора вдохнуть или возмутиться, Каллум вдруг выпустил меня.

– Я дальше идти не могу, – сказал он.

– Хотя бы до розария.

– В другой раз. – Каллум отвел взгляд. – Мне пора. – И вернул мне сумку.

– Встретимся завтра после школы, да? На обычном месте?

Каллум дернул плечом. Он уже уходил.

– Каллум, стой! Что слу...

Но Каллум перешел на бег – и бежал все быстрее и быстрее. Мой лучший друг покидал меня, зажав ладонями уши, а я смотрела ему вслед. Да что это с ним такое? Я направилась к дому, понутив голову, и ничего не могла понять.

– ПЕРСЕФОНА! ДОМОЙ! СЕЙЧАС ЖЕ!

Заслышав мамин голос, я невольно вскинулась. Мама спешила ко мне по ступеням, и лицо у нее было кислое и злое, как всегда. Похоже, сегодня она выпила меньше бокалов вина, чем обычно, иначе настроение у нее было бы получше. Я повернулась поглядеть туда, где только что был Каллум, но он уже скрылся из виду – вот и отлично. Мама вцепилась мне в руку костлявыми пальцами, словно щипцами.

– Я тебя уже полчаса зову!

– Надо было звать громче. Я была на берегу.

– Не груби. Я тебе говорила, чтобы ты сегодня далеко не уходила.

Мама поволокла меня вверх по крыльцу.

– Ой! – Я не успела вовремя поднять ногу и больно ударилась щиколоткой о край каменной ступени. Хотела схватиться за ушибленное место, но мама волокла меня дальше.

– Отпусти! Не тащи меня! Я тебе не чемодан какой-нибудь! – Я выдернула руку из маминей хватки.

– Сейчас же в дом!

– У нас что, пожар? – Я исподлобья поглядела на маму, потирая руку.

– До завтра ни шагу за порог.

Мама ворвалась внутрь, и мне тоже пришлось войти в дом.

– Почему?

– Потому что я так сказала.

– Да что...

– И перестань задавать вопросы.

Я ощерилась на маму, но она не обратила внимания, как всегда. Все мои свирепые взгляды были ей как с гуся вода.

Чудесный теплый летний денек остался за порогом, не в силах проникнуть в дом. Мама принадлежала к числу тех «утонченных» дам, которые умеют тихонько закрыть дверь так, словно ей хлопнули. Каждый раз, когда мама смотрела на меня, я прямо чувствовала, как она хочет, чтобы я держалась аристократичнее – наподобие моей старшей сестрицы Минервы. Я называла ее сокращенно Минни, чтобы позлить: она терпеть не могла это имя. И любила этот дом с той же силой, с какой я его ненавидела. Называла его «величественным». А по мне он был словно плохой музей: одни холодные полы, мраморные колонны и каменные рельефы – такое обожают фотографировать для глянцевого журналов, но ни один нормальный человек не захочет среди всего этого жить.

Слава богу, у меня есть Каллум. Я украдкой улыбнулась, радуясь мысли, как славно я провела день.

Каллум поцеловал меня. Ух ты!

Каллум взял и поцеловал меня!

Вот это да! Ур-ра-а!

Улыбка у меня медленно погасла от непрошенной мысли. Сегодняшний день был бы самым совершенством, если бы не одно «но». Если бы нам с Каллумом не приходилось ото всех прятаться.

Если бы Каллум не был нулем.

Глава 2

• Каллум

«Я живу во дворце с золотыми стенами, серебряными башенками и мраморными полами...»

Я открыл глаза и посмотрел на свой дом. Сердце у меня сжалось. Я снова закрыл глаза.

«Я живу в поместье с кучей окон, свинцовыми оконными переплетами, бассейном и конюшнями, а вокруг расстилаются акры наших земель».

Я приоткрыл глаз. Все равно не получилось.

«Я живу в хибарке, где наверху три комнатки, а внизу две, на входной двери замок, а во дворе огородик, где мы выращиваем зелень».

Я открыл оба глаза. Никогда у меня ничего не получалось. Я помялся возле дома, если его можно так назвать. Каждый раз, когда я возвращался от Сеффи, я морщился при виде лачуги, служившей мне домом. Почему моя семья не может жить в таком же доме, как у Сеффи? Почему никто из моих знакомых нулей не живет в доме, как у Сеффи? Я глядел на наше убогое жилье и ощущал внутри знакомое мучительное жжение. Мышцы напряглись, глаза сузились... Так я заставил себя отвести взгляд. Заставил поглядеть в сторону, на дубы, буки и каштаны, высаженные вдоль нашей улицы и воздевавшие ветви к небу. Посмотрел на одинокое облако, медленно проплывавшее над головой, посмотрел, как кружит и парит в небе ласточка, не зная никаких забот.

«Ну давай... у тебя все получится... получится... получится...»

Я закрыл глаза и втянул побольше воздуха. И, стиснув зубы, толкнул дверь и вошел.

– Каллум, где ты был? Я места себе не находила.

Мама бросилась ко мне, не успев я закрыть за собой дверь. В отличие от дома Сеффи, у нас не было ни передней, ни коридора, куда выходили бы комнаты. Открываешь входную дверь – и сразу оказываешься в гостиной, где на полу лежит ветхий нейлоновый ковер, служивший до нас пяти другим семьям, и стоит обитый тканью диван, поживший в семи домах. Единственным сколько-нибудь стоящим предметом обстановки был дубовый стол. Много лет назад папа выпилил все детали, украсил резьбой в виде листьев драцены, собрал и отполировал своими руками. В этот стол было вложено много труда и любви. Мама Сеффи как-то попыталась купить его, но мои родители не захотели с ним расставаться.

– Ну? Каллум, я жду. Где ты был? – повторила мама.

Я сел на свое место за столом и отвернулся от мамы. Папе на меня – да и на все остальное – было наплевать. Он сосредоточенно ел. Мой брат Джуд – ему было семнадцать – многозначительно ухмыльнулся. Вот жаба – так и норовит поддеть. От него я тоже отвернулся.

– Шлялся с своей трфовой подружкой, – процедил Джуд.

Я ощерился на него:

– Какой еще трфовой подружкой? Не знаешь, о чем говоришь, вот и помалкивай.

«Не смей называть так моего лучшего друга! Еще раз скажешь – я тебе всю рожу...»

Джуд догадался, о чем я думаю: усмешка стала шире.

– А как мне тогда ее называть? Твоя трфовая кто?

Он никогда не называл их Крестами. Только трфами.

– Засунь себе в рот оба кулака!

– Каллум, сынок, не надо говорить с братом, будто... – Продолжать папа не стал.

– Каллум, ты опять был с ней? – В глазах матери зажегся бешеный горький огонь.

– Нет, мама. Просто гулял, вот и все.

– Вот и все? Тогда прекрасно. – Мама с размаху поставила на стол кастрюлю.

Паста перевалилась через края на стол. Джуд мгновенным движением собрал с клеенки все, что выпало, и затолкал в рот.

Шли секунды, все ошарашенно таращились на Джуда. Он завладел даже вниманием Линетт, а это достижение. Вывести мою сестру из ее загадочного мира было практически невозможно.

– Удивительно! Когда речь идет о еде, ты как молния на допинге, а обычно тормозишь. – Губы у мамы искривились – что-то среднее между весельем и отвращением.

– Это называется мотивация, мама, – ухмыльнулся Джуд.

Веселье победило. Мама рассмеялась:

– Будет тебе мотивация, зайчик!

В кои-то веки спасибо Джуду: отвлек всех от того, чем я занимался целый день. Я оглядел стол. Линетт снова ушла в себя: голова, как всегда, опущена; взгляд, как всегда, устремлен на колени.

– Привет, Линни, – шепнул я старшей сестре.

Она подняла голову, мимолетно улыбнулась мне – короче некуда – и снова уставилась себе на колени.

Мы с сестрой похожи: у обоих каштановые волосы, глаза одного серого цвета. У Джуда черные волосы и карие глаза, и он похож на маму. Мы с Линни не очень похожи ни на маму, ни на папу. Наверное, отчасти поэтому мы всегда были дружны с ней. Больше, чем с Джудом. Это Линни сидела со мной, когда маме надо было на работу и она не могла взять меня с собой. А теперь с ней самой надо сидеть. С головой у нее плохо. Выглядит на свой возраст – ей двадцать, – но умом как маленькая. Живет в своем волшебном мире, как говорила бабушка. Раньше она была не такая. Три года назад с ней что-то произошло, и она переменилась. Несчастный случай. И моей сестры, которую я знал, просто не стало. Теперь она не выходит из дома, почти не говорит и, по-моему, почти не думает. Просто существует. Вечно витает где-то в облаках. Нам туда не попасть, а ей оттуда не выбраться. Нет, она выбирается, но редко и всегда ненадолго. Наверное, там, куда ее уносит разум, ей хорошо: с ее лица не сходит мирное, безмятежное выражение. Иногда мне думается, что ради подобного душевного покоя стоит слететь с катушек. Иногда я ей завидую.

– Где же ты пропадал все это время? – вернулась мама к прежней теме.

А я-то думал, мне все сошло с рук. Мог бы и сообразить, что маму с толку не собьешь. Если уж решит дознаться...

– Я же говорил – просто гулял.

– Хм-м-м-м... – Мама прищурилась, однако отвернулась и пошла к плите за мясом.

Я перевел дух – вышло громко. Похоже, мама совсем устала, раз решила мне поверить.

Линетт снова украдкой мне улыбнулась. И стала накладывать пасту на тарелку, когда мама вернулась со сковородкой мяса.

– Готов к школе, Каллум? Уже завтра, – ласково напомнил папа: он даже и не заметил напряжения, звеневшего над столом, будто струна.

– Вроде бы да, папа, – проговорил я и налил себе молока из кувшина, чтобы был предлог ни на кого не смотреть.

– Будет трудно, сынок, но по крайней мере это хороший старт. Мой сын идет в Хиткрофт. Подумать только! – Папа улыбнулся мне, глубоко вздохнул и прямо выпятил грудь от гордости.

– Я по-прежнему считаю, что Каллум совершает большую ошибку. – Мама хмыкнула.

– А я нет. – Папина улыбка погасла при взгляде на маму.

– Не надо ему ходить в их школы. Мы, нули, должны добиться, чтобы наши дети получали образование не хуже Крестового в собственных школах, – возразила мама. – А мешаться с Крестами нам не надо.

– А что в этом плохого? – удивился я.

– Ничего никогда не выходит, – тут же ответила мама. – Пока школами руководят Кресты, нас считают людьми второго сорта, низшего разряда, мы для них никто и ничто. Мы должны сами воспитывать и образовывать своих детей, а не ждать, пока это за нас сделают Кресты.

– Раньше ты так не считала, – проговорил папа.

– Раньше я была наивнее, если ты это имеешь в виду, – отозвалась мама.

Я открыл было рот, но не мог подыскать нужных слов. В голове все перепуталось. Если бы такое сказал мне кто-то из Крестов, я бы обвинил его во всех смертных грехах. У нас в прошлом многовековая сегрегация, и из нее тоже не вышло ничего хорошего. Чего добиваются все нули и Кресты, которые думают, как мама? Чтобы у нас были разные страны? Разные планеты? Или им и тогда будет слишком тесно? Почему люди так боятся тех, кто на них непохож?

– Мэгги, если наш мальчик хочет чего-то достигнуть в жизни, ему придется ходить в их школы и учиться играть по их правилам. Ему надо всем этим овладеть – вот и все.

– И все?

– Неужели ты не хочешь лучшей жизни для своего сына? – Папа начал сердиться.

– Как ты смеешь задавать мне подобные вопросы? Если ты думаешь...

– Мама, все будет хорошо, вот увидишь. Не волнуйся, – вмешался я.

Мама поджала губы, явно готовая взорваться. Встала и ушла к холодильнику. По тому, как она выдернула оттуда бутылку воды и захлопнула дверцу, я сразу понял, до чего она зла. Споры вокруг школы были первым случаем на моей памяти, когда родители ссорились. Мама скрутила крышку с бутылки и перевернула ее прямо над желтым расписным глиняным кувшином, который вылепила месяца два назад. Вода перелилась через края кувшина и выплеснулась на столешницу, но мама не убрала бутылку.

– Скоро ты решишь, что и мы для тебя уже нехороши. – Джуд пихнул меня в плечо для наглядности. – Смотри из ботинок не вырасти!

– Нет, не решит. Каллум, ты ведь стараешься примерно вести себя в Хиткрофте? – Папа сиял. – Ты же будешь в школе представителем всех нулей.

С какой стати мне представлять всех нулей? Почему нельзя представлять самого себя?

– Ты должен показать им, что они о нас неправильного мнения. Показать, что мы не хуже их, – продолжал папа.

– Чтобы это показать, ему не обязательно идти в их пижонскую школу. – Мама вернулась к столу и со стуком поставила на клеенку кувшин с водой.

Молоко и вода, вода и молоко – больше ничего мы за обедом не пили. А когда с деньгами была совсем беда – и вовсе пили только воду. Я поднес к губам стакан с молоком и закрыл глаза. На меня прямо повеяло ароматом апельсинового сока, который всегда стоял на обеденном столе в доме Сеффи. Шардоне для мамы, кларет для папы и на выбор минералка, сок, обычно апельсиновый, и шипучий имбирный лимонад для Сеффи и ее сестры Минервы. Сок был ледяной и до чего же сладкий – ох! – и мне даже не хотелось сразу глотать его, и я подолгу держал его во рту, пока он не согрелся. Мне хотелось растянуть удовольствие, но все равно не получалось. Когда Сеффи узнала, что я обожаю апельсиновый сок, она стала постоянно таскать мне его. Не понимала, за что я его так люблю. По-моему, и до сих пор не понимает.

Я отпил молока. Нет, очевидно, мой сок сначала пропустили сквозь корову. Наверное, у меня бедное воображение, раз оно не в состоянии превратить молоко в апельсиновый сок.

– Скоро станет таким же пижоном, как они. – Джуд пихнул меня еще раз в прежнее место и покрутил пальцем, чтобы вышло больше. Я поставил стакан и поглядел на Джуда исподлобья.

– Чего молчишь, а? – прошептал Джуд, чтобы слышал только я.

Я медленно положил руки на колени и переплел пальцы.

– В чем дело? Ты меня стесняешься? – съязвил Джуд.

Пальцы под столом онемели – так сильно я их стиснул. С тех самых пор, как я сдал экзамен и поступил в Хиткрофт, Джуд стал совершенно непереносим. Только и делал, что прово-

цировал меня, чтобы я на него набросился с кулаками. Пока мне удавалось сопротивляться этому непрерывному искушению, но для этого требовалась вся сила воли, сколько ее у меня было. У меня хватало ума понимать, что, если мы с Джудом подеремся, от меня останется мокрое место. До чего же мне здесь тошно. Только бы сбежать. Сбежать куда подальше. Даже если нельзя встать и выйти из-за стола физически, надо куда-то сбежать, а то... а то я лопну.

Сеффи... Сеффи на песке... и математика... и наш поцелуй. Я улыбнулся, вспомнив, как она потребовала, чтобы я вытер губы перед нашим первым поцелуем. Она меня рассмешила. «Правильно, Каллум. Отвлекись. Прочь из дома... вернись на пляж... вернись к Сеффи...»

Она меня рассмешила...

– Да ты совсем меня не слушаешь! – Мамин окрик развеял мои фантазии.

– Я все слышал! – возразил я.

– Ну и что я сказала?

– Новая форма висит на стуле, мне нужно встать пораньше и помыться, прежде чем надевать ее. Тетради в школьной сумке под кроватью, – повторил я.

– Слышать ты слышал, но не слушал! – не сдавалась мама.

– В чем разница? – усмехнулся я.

– В том, что мне обидно! – тут же ответила мама. И села, все-таки не сдержав улыбки.

Обстановка за столом по-прежнему была не идеальной, но все же улучшилась, а пятью минутами ранее могла обернуться невесть чем.

– Мой сын идет в школу Хиткрофт. – Папа покачал головой, не донеся ложку до рта. – Подумать только!

– Болван! Молчи и ешь! – рявкнула мама.

Папа поглядел на нее и расхохотался. Все присоединились к нему – кроме Линетт.

Я сунул в рот ложку пасты с мясной подливкой и принялся с удовольствием жевать. По правде говоря, я не мог дождаться завтрашнего дня. Наконец-то я пойду в среднюю школу. Смогу чего-то добиться, сделать что-то со своей жизнью. Если я получу хорошее образование, никто не сможет презрительно бросить мне: ты, мол, недостаточно умен и недостаточно хорош. Никто. Я ступил на путь к успеху! И еще, если я получу хорошее образование, ничто не встанет между мной и Сеффи. Ничто на свете.

Глава 3

× Сеффи

Я передвинула курсор на «ЗАВЕРШЕНИЕ РАБОТЫ», щелкнула мышкой, зевнула и стала ждать, когда компьютер выключится. Сегодня у него на это ушла целая вечность. Наконец послышался щелчок, и экран погас. Я отсоединила монитор и колонки. Теперь попить что-нибудь и спать. Завтра первый день в школе.

При этой мысли я застонала. Школа! Снова увижу подружек, у нас начнутся обычные разговоры – кто где побывал, кто что посмотрел, кто на каких вечеринках блистал, – и скоро возникнет ощущение, что никаких каникул и не было. Прежние лица, прежние учителя, прежние все! Но ведь на самом деле завтра будет немного иначе. По крайней мере завтрашний день будет не совсем такой, как обычно после каникул. В нашу школу придут четыре нуля, в том числе Каллум. Может, он даже попадет в мой класс. И даже если нет, у нас обязательно будут совместные уроки, хотя бы иногда. *Мой лучший друг пойдет со мной в одну школу.* Этой мысли хватило, чтобы я расплылась в идиотской улыбке.

– Боже, прошу тебя, сделай так, чтобы Каллум попал ко мне в класс, – прошептала я. Вышла из комнаты и направилась к лестнице.

Каллум в моем классе! Как это было бы здорово! Мне не терпелось показать ему спортивные площадки и бассейн, гимнастический зал и комнаты для музыкальных занятий, столовую и лаборатории. И познакомить его со всеми своими друзьями. Стоит им увидеть его, и они сразу поймут, что с ним так же круто, как со мной. Вот будет чудесно!

Я тихонько спустилась по лестнице. Питть хотелось ужасно, но совсем не улыбалось столкнуться с мамой. Она была несчастна. Я не понимала, в чем дело. Ведь я помнила, как она была сплошной смех, шутки и объятия, – но теперь это осталось где-то далеко-далеко, в прошлом. Это было три года назад. После этого она стала на себя не похожа. Ее чувство юмора преждевременно постарело и скончалось, и губы у нее скривились в вечной унылой гримасе, словно врезавшейся в кожу.

Я тряхнула головой. Если так взрослеют, то я не хочу взрослеть. Хорошо хоть с папой по-прежнему весело, когда он здесь, а это бывает нечасто. Все взрослые при первом же знакомстве начинают мне рассказывать, какой папа замечательный, какой он умный, забавный, красивый – и что ему суждено добраться на самый верх. Тот вонючий потный дядька с липкими руками, который приходил к маме с папой на последний званый обед, все время говорил со мной только об одном – что папа рано или поздно станет премьер-министром и я должна им гордиться. Да он, этот дядька, получил бы золотую медаль на международном турнире за звание самого скучного человека на свете! Даже если папа станет премьер-министром, какая мне с того радость? Я и так его почти не вижу. Если он станет премьер-министром, мне придется смотреть телевизор, чтобы вспомнить, как он выглядит.

– Эти мягкотелые либералишки из Пангейского экономического сообщества – меня от них тошнит! Сказали, мы должны пускать нулей в свои школы – ладно, мы согласились. Сказали, мы должны пускать нулей в свою армию и полицию – ладно, мы согласились. А им все мало. И еще Освободительное Ополчение – я думал, если мы примем кое-кого из пустышек в свои школы, это заткнет им рот...

Я услышала папин голос, полный злости и горечи, и замерла на нижней ступеньке.

– Но оказалось недостаточно. Освободительное Ополчение увидело, что их требование выполнили, и решило, если так, выдвинуть еще несколько. А потом будет еще несколько. – Другой голос: у папы гость.

– Только через мой холодный труп! Так я и знал, что уступать требованиям Пангейского экономического сообщества хотя бы раз – большая ошибка. Боже, храни нас от либералов и пустышек!

В папином голосе было столько яда, что я поморщилась. И мне еще не доводилось слышать, чтобы он называл нулей пустышками. Пустышки... Что за ужасное слово! Гнусное. Мой друг Каллум – не пустышка. Он не...

– Освободительное Ополчение недоволио темпами перемен в нашей стране. Они требуют...

– А кто, собственно, такие «они»? – свирепо спросил папа. – Кто возглавляет Освободительное Ополчение?

– Не знаю, сэр. Пробраться до самого верха – дело небыстрое, а Освободительное Ополчение ведет себя донельзя бдительно. Каждое боевое подразделение состоит из разных ячеек, а для связи с другими ячейками у них множество разных явок. Выяснить, кто у них главный, крайне сложно.

– Оправдания мне не нужны. Займитесь делом. Я вам за это плачу. Не хочу потерять место в правительстве из-за каких-то смутьянов-террористов.

– Они называют себя бойцами за свободу, – заявил папин гость.

– Да пусть кем угодно себя называют, хоть потомками ангела Шаки – мне все равно: они подонки, и я хочу, чтобы их уничтожили. Всех до единого.

Молчание. Потом:

– Я буду работать над этим.

Единственным ответом было папино презрительное хмыканье.

– Сэр, насчет наших встреч... С каждым разом риск все больше. Надо найти какой-то более безопасный способ связи.

– Я по-прежнему настаиваю на личных встречах не реже раза в месяц.

– Но это опасно, – возразил папин собеседник. – Я каждый раз рискую жизнью...

– Не желаю слушать. Можете звонить мне и писать имейлы в любой момент, но я хочу видеть вас по меньшей мере раз в месяц. Это понятно? – рявкнул папа.

Его собеседник молчал так долго, что я уж подумала, он никогда не ответит. Но потом он выдал:

– Да, сэр.

Я прокралась поближе к гостинной. С кем это папа разговаривает? Я только слышала голоса.

– Пустышки пойдут в школу, где учится моя дочь... – Я прямо слышала, как папа раздувает ноздри. – Если мой план не осуществится, переизбраться через год я смогу разве что чудом. Меня распнут.

– В Хиткрофт идут всего трое или четверо, верно? – спросил его гость.

– Это на три-четыре больше, чем должны были сдать вступительный экзамен по моим расчетам, – с отвращением ответил папа. – Если бы я считал, что у кого-то из них есть вероятность попасть в Хиткрофт, я бы вообще не стал вносить поправки в закон об образовании.

Каждое его слово было будто отравленный кинжал. У меня мурашки побежали по коже, сердце было готово разорваться. Мне было так... так *обидно*. Папа, мой папа...

– По всей стране в школы для Крестов пойдет десятка два нулей, не больше. Не так уж и много, – заметил гость.

– Когда мне захочется узнать ваше мнение, я за него заплачу, – отмахнулся папа.

Знает ли он, что один из нулей, которые пойдут в мою школу, – Каллум? Он это учитывает? Вряд ли. Я сделала еще один робкий шаг вперед. Заглянула в переднюю. В продолговатом зеркале напротив входа в гостинную было ясно видно папу. Папин гость отражался только сзади, поскольку сидел спиной к двери, но я прямо-таки оторопела: он был нулем. У него были

светлые волосы, стянутые в хвостик, и он был одет в вытертую дубленку и высокие коричневые ботинки с серебристыми цепочками над каблуками. Я даже и не помнила, когда в последний раз видела нулей у нас дома – кроме разве что помощников на кухне или уборщиц. Что он здесь делает? Кто это? Ерунда какая-то. И все, что они говорили, тоже какая-то ерунда.

Я сделала еще шаг вперед, не сводя глаз с зеркала напротив гостиной, – и это оказалось ошибкой. Я споткнулась о телефонный провод, и телефон на столе чуть-чуть сдвинулся. Шорох был тихий, но ощутимый. Папа обернулся и увидел меня в зеркале – как я видела его. Его гость тоже обернулся.

– Сеффи, в постель, сейчас же!

Папа не стал дожидаться, когда я уйду, и захлопнул дверь в гостиную. Не успела я собраться с разбежавшимися мыслями, как дверь снова распахнулась, на пороге появился папа – один – и накрепко закрыл ее за собой.

– Что ты видела? – грозно спросил он, шагая ко мне.

– Ч-что?

– Что ты видела? – Папа схватил меня за плечи. Из рта у него вылетела капелька слюны и попала мне на щеку, но я ее не вытерла.

– Н-ничего.

– Что ты слышала?

– Ничего, папа. Я просто спустилась попить воды. Пить хочу.

Папа в ярости уставился на меня, глаза его сверкнули. Он будто бы хотел меня ударить.

– Я ничего не видела и не слышала. Честно.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем папина хватка на моих плечах ослабла, а искаженное лицо смягчилось.

– М-можно я возьму себе воды?

– Ладно, иди. Только быстро.

Я двинулась в кухню, хотя пить мне расхотелось. Сердце больно колотилось, кровь гремела в ушах. Я спиной чувствовала, как папа смотрит мне вслед. В кухне я налила себе стакан воды и направилась обратно в спальню. Папа не мог видеть меня в кухне, но я все равно шла «нормально», будто он следил за мной сквозь стены. Я вышла из кухни и начала подниматься к себе со стаканом в руке.

– Постой, принцесса, – окликнул меня папа.

Я повернула голову.

– Прости, что нашумел на тебя. – Отец выдавил улыбку и поднялся на несколько ступенек за мной. – Я сегодня весь день какой-то... нервный.

– Ничего страшного, – прошептала я.

– Ты же все равно моя принцесса, верно? – Папа обнял меня.

Я кивнула, стараясь проглотить ком в горле.

Стараясь не разлить воду.

– Ну, беги спать.

Я стала подниматься дальше продуманно-беспечной походкой. А папа стоял в передней и следил за каждым моим движением.

Глава 4

• Каллум

Я в сотый раз вывалил все из школьной сумки на кровать – кровать у нас была двухъярусная, и я спал внизу. Линейка, пенал, ручки, карандаши, тетради, калькулятор. Перечитал список, который прислали маме с папой из школы Хиткрофт. У меня было все, что там требовалось, но меня упорно не покидало чувство, будто этого мало, будто я что-то забыл. Я взял уголок простыни и снова протер калькулятор. Сколько ни полируй, этот динозавр среди калькуляторов новым не покажется. Глаза у меня слипались, я прикрыл их рукой.

Нельзя быть таким неблагодарным. Скажи спасибо, что калькулятор у тебя есть.

Почаще повторяй это себе, Каллум.

Я медленно и тщательно убрал все обратно в сумку.

Мне везет, мне везет, мне везет... Я иду в школу.

Я проигрывал эту мысль в голове снова и снова, боялся прогнать ее – мало ли что случится.

Кто-то постучал в дверь. Или мама, или Линетт. Джуд не стучится, а просто врывается, а папа никогда к нам не заходит. Если ему надо поговорить со мной, он просит выйти на лестницу. Я надеялся, что это Линетт.

В дверь просунулась мамина голова.

– Можно к тебе?

Я пожал плечами и положил в сумку последнее, что осталось, – калькулятор. Мама вошла, осторожно закрыла за собой дверь. Я догадывался, что сейчас будет. Она села на постель, взяла сумку и тут же вывалила мои школьные принадлежности на покрывало. Потом очень тщательно начала складывать все обратно.

Заговорила она не сразу.

– Я просто хотела сказать, что неважно, что будет завтра: ты молодец, что поступил в Хиткрофт.

Такого я не ожидал. И уставился на нее.

– В каком смысле неважно, что произойдет завтра?!

– Да так. – Губы у мамы задрожали, и улыбка погасла. – Понимаешь... Понимаешь, я хочу, чтобы ты был счастлив.

– Я счастлив, – нахмурился я.

– Я не хочу, чтобы ты... расстраивался. Не хочу, чтобы тебе было больно.

Да что она имеет в виду?!

– Мама, я всего-навсего иду в школу. Не в армию же.

Мама предприняла новую попытку улыбнуться.

– Конечно. Но вы с отцом, по-моему, недооцениваете, насколько будет... сложно. Я не хочу, чтобы ты расстраивался. Кроме того... понимаешь, до нас дошли слухи...

– Какие еще слухи?

– Некоторые Кресты недовольны, что нули будут ходить в их школы. До нас дошли слухи, что кое-кто из них собирается устроить беспорядки. Поэтому, что бы ни произошло, не поддавайся на провокации. Не давай повода исключить тебя.

– Тебя только это беспокоит?

Мама не ответила.

– Не волнуйся, – сказал я ей. – Я поступил в Хиткрофт, и теперь меня оттуда не выгнать ничем, даже динамитом.

– Вот и умница. – Мама погладила меня по щеке.

Я оттолкнул ее руку. Еще чего!

- Ты уже большой мальчик, да? – поддела меня мама.
- Совсем большой, – отозвался я.
- Такой большой, что и на ночь поцеловать нельзя?

Я собирался честно и откровенно высказать маме все, что я об этом думаю, но тут увидел выражение ее лица и прикусил язык. Я понял, что поцелуй – не для меня, а для нее.

- Валяй, раз приспичило, – буркнул я и подставил щеку.

Молчание. Я повернулся посмотреть, почему ненавистный поцелуй задерживается, но стоило мне взглянуть на маму, как она расхохоталась.

- Что смешного?! – возмутился я.

– Ты, дорогой. – Мама стиснула меня в объятиях и поцеловала в щеку, да так, словно хотела зарыться в нее губами. Ну дела! – Проверь будильник, чтобы утром хватило времени помыться перед школой. – Мама встала и направилась к двери.

- Я еще не ложусь, мама. Сейчас спущусь немного посмотреть телик.

– Только недолго. Тебе завтра в школу. – Мама погрозила пальцем. Потом уронила руку и улыбнулась. – «Тебе завтра в школу»... До чего же приятно звучит!

- Ага!

Мама начала спускаться, я за ней. На полпути она внезапно остановилась – я едва не врезался в нее.

- Каллум...

- Что, мама?

- Ты... ты только не думай, будто я тобой не горжусь. Я горжусь.

- Я знаю, мама, – сказал я.

Мама стала спускаться дальше. Я обдумал ее слова. Самое странное, что, пока она этого не сказала, я не думал, что она мной гордится. Более того, в глубине души я подозревал, что мама предпочла бы, чтобы я провалил вступительный экзамен в Хиткрофт. А я его сдал. И поступил. И этого у меня никто не отнимет. *Я поступил.*

Мы спустились в гостиную. Линетт с папой сидели на диване. Джуд за обеденным столом рассматривал что-то вроде карты, в общем, что-то скучное. Мама села рядом с папой, я – рядом с Линетт. Диван просел, но просел уютно.

Я посмотрел на сестру.

- Ты как, нормально?

Линетт кивнула. Потом вдруг медленно, постепенно помрачнела. И взгляд опять сделался... *такой*. Сердце у меня ушло в пятки, потом вернулось на место.

Линетт, не надо, пожалуйста. Особенно сегодня, особенно сейчас...

– Линни, а помнишь, как мне исполнилось семь? – в отчаянии затараторил я. – Ты в первый раз повела меня в кино. Мы были вдвоем, и ты сердилась на меня, потому что я не мог отвести глаз от экрана ни на секунду. Помнишь, ты сказала мне, что можно моргать, потому что экран никуда не исчезнет. Линни!

– Почему я здесь? – Беспокойные серые глаза сестры сузились. – Мне здесь быть нельзя. Я не такая, как вы. Я Крест.

Внутри у меня все сжалось, будто я был в лифте и он за пять секунд пролетел вниз с полсотни этажей. Стоит мне убедить себя, что Линетт стало лучше, как у нее опять делается это лицо... Она смотрит на нас, словно не узнаёт, и настаивает, что она одна из них.

– Не говори глупостей. Ты нуль, – презрительно бросил Джуд. – Посмотри на свои руки. Ты такая же белая, как все мы. Даже белее.

- Нет, я не такая.

- Джуд, хватит, – сказал папа.

– Нет, не хватит. Я сыт этим по горло. Мы держим Линетт дома, чтобы она не позорила нас своими заявлениями, что она Крест. Она чокнутая, и все тут. И Каллум не лучше. Думает, мы для него нехороши, думает, мы ровня Крестам, даже если не говорит.

– Сам не знаешь, что несешь, – прошипел я.

– Не знаю? Я заметил, как ты смотришь на наш дом, когда возвращаешься от своей трефовой подружки. Ты же его ненавидишь – и всех нас ненавидишь, и себя самого, потому что не родился одним из них! – Джуда прорвало. – Из нас троих только я понимаю, кто я такой, и мирюсь с этим.

– Слушай, ты, безмозглый...

Джуд вскочил со стула – и я вслед за ним.

– Ну, давай, раз ты считаешь, что у тебя пороку хватит, – вызывающе процедил Джуд.

Я шагнул вперед, но не успел даже кулаки сжать: между нами встал папа.

– Вот видите? – Тоненький растерянный голосок Линетт прозвенел, словно колокольчик. – Я так себя не веду. Конечно же, я не ноль. Это невозможно.

Боевой задор у меня разом угас. Я медленно сел обратно.

– Линетт, послушай... – начала было мама.

– Только посмотрите на мою кожу, – продолжала Линетт, будто мама ничего не сказала. – Восхитительный оттенок. Такой темный, насыщенный, просто чудо. Мне очень повезло. Я Крест, я ближе к Богу... – Линетт обвела нас взглядом и улыбнулась. Улыбка ее была широкой, сияющей, неподдельно счастливой – она осветила каждую черточку, каждую складочку ее лица и пронзила мне сердце.

– Вот дура, – пробурчал Джуд.

– Хватит! – крикнул на него папа.

Джуд сел – надутый, мрачный. Линетт посмотрела на свои руки, погладила одной другую. Я тоже посмотрел. И не увидел ничего, кроме бледных белых рук с голубыми венами, проступавшими из-под полупрозрачной кожи. Линетт поглядела на меня и просияла. Я улыбнулся в ответ. Вышло натянуто, но я старался.

– Как ты считаешь, Каллум, я красивая? – прошептала Линетт.

– Да, – искренне ответил я. – Очень.

Глава 5

× Сеффи

Я смотрела из окна машины на проплывающие мимо деревья, поля и небо, размазанные от скорости. Первый день после каникул. Я выпрямилась и расплылась в самой счастливой улыбке на свете. Каллум... От одного его присутствия первый школьный день станет новым, интересным, ни на что не похожим.

– Как вы там, сзади, мисс Сеффи? Все хорошо?

– Нормально, спасибо, Гарри. – Я перенаправила улыбку на нашего шофера-нуля. Он смотрел на меня в зеркало заднего вида.

– Волнуетесь?

Я рассмеялась:

– Шутите?!

– В общем-то, нет, – печально отозвался Гарри.

– Гарри, а можете высадить меня...

– За углом школы, – договорил за меня Гарри.

– Если можно.

– Придется, куда же я денусь. – Гарри покачал головой. – Но если ваша мама узнает...

– Не узнает.

– Все же я не понимаю...

Я вздохнула. В будние дни подобные разговоры у нас с Гарри случались как минимум трижды в неделю.

– Гарри, вы же знаете, друзья меня дразнят за то, что вы меня возите. Постоянно говорят, что ноги у меня слишком дорогие, чтобы касаться земли, или спрашивают, когда мне приделают крылья, и все такое. Я сейчас не в том настроении, чтобы терпеть насмешки, все-таки первый день после каникул.

– Я понимаю, но...

– Гарри, прошу вас!

– Ох, ну ладно.

– Спасибо, Гарри.

– Если мне влетит...

– Не влетит. Честное слово! – Я просияла.

Гарри свернул на Черри-Вуд-Гроув в двух улицах от Хиткрофта, моей школы. Я выскочила из машины, схватила школьную сумку с белого кожаного сиденья.

– До встречи.

– Да, мисс Сеффи.

Я дождалась, когда Гарри уедет и скроется из виду, и только тогда зашагала к своему корпусу. Он меня уже дурил: притворялся, будто уехал, а потом возвращался, стоило мне повернуться спиной. Ближе к школе я услышала какой-то странный рокот, будто кто-то включил радио на полную громкость, но далеко, так что слов не разобрать. Когда я очутилась на углу, вопли накатили на меня яростной волной. Однако и это не заставило меня задуматься, чего следует ожидать. Я свернула за угол и...

И...

В дальнем конце улицы, у школы, собралась огромная толпа. Все кричали и что-то скандировали. Я на миг застыла, потом направилась в ту сторону. Перешла на бег. Что же там стряслось?! Долго дожидаться ответа не потребовалось.

– Нет пустышкам в нашей школе! Нет пустышкам в нашей школе! – ритмично выкрикивали в толпе снова и снова.

Каллума и трех других нулей окружили полицейские, пытавшиеся протолкаться сквозь толпу ко входу. Другие полицейские, взявшись за руки, встали в цепи, чтобы разделить толпу Крестов на две упорядоченные группы и оттеснить в стороны. Я прибавила ходу, но чем ближе подбиралась, тем меньше было видно. Я ввинтилась в толпу, работая локтями.

– Каллум! КАЛЛУМ!

– Нет пустышкам в нашей школе!..

Полицейские пытались пробиться сквозь толпу взрослых и учеников Хиткрофта, а те явно решили ни за что их не пропускать.

– Бей пустышек!

Я пробилась на крыльцо, к школьным дверям, в первые ряды толпы и полицейских, и смотрела, как полиция старается оттеснить толпу, смотрела, как Каллум и остальные пытаются не коситься ни вправо, ни влево, и глядят прямо перед собой, даже не мигая.

– Нет пустышкам в нашей школе!..

Я заметила в толпе Джулиану, Адама, Эзру – моих лучших друзей. Хуже того, я заметила в толпе мою сестру Минни. И она кричала с тем же пылом, что и все вокруг:

– Нет пустышкам в нашей школе!..

В голове у меня зазвенело громче, чем снаружи. Я очутилась в эпицентре хаоса. Каллум и другие нули попытались подняться на школьное крыльцо к дверям. Толпа рванулась вперед, ярость была прямо осязаемой, меня словно ударило. Вдруг послышался вскрик. Голова Каллума провалилась куда-то вниз, будто он присел, а потом пригнулись и полицейские, так что я перестала видеть их.

– Один ранен!

Каллум! Это ведь не Каллум, нет?

– Пустышку ранили!

Новость разлетелась по толпе, будто зараза.

– УР-РА-А-А! – загремели ликующие крики.

Полицейских смели, повалили, толпа ринулась вперед, будто воздух в вакуум. Я стояла на верхней ступеньке и смотрела на все это сверху вниз. Никогда еще я не ощущала такой ярости – от нее сжимались кулаки, скрежетали зубы. Женщина-полицейская отодвинулась в сторону, и я увидела Каллума: он присел на корточки рядом с девушкой-нулем, которой явно крепко досталось. Лоб у нее был в крови, глаза закрыты.

За спиной у меня возник мистер Корса, наш директор. Он весь посерел и потрясенно смотрел на толпу, которая бурлила, нет, бесновалась перед ним.

– Мистер Корса, надо помочь этой девушке! – Я показала на нее. – Она ранена!

Мистер Корса не сдвинулся с места, даже когда я повторила свои слова. Обезумевшая толпа визжала, вокруг словно бушевал ураган, я испугалась, что у меня вот-вот лопнет голова.

– Прекратите! Да прекратите же!

Без толку.

– ПРЕКРАТИТЕ! ВЫ ВЕДЕТЕ СЕБЯ КАК ЗВЕРИ! – заорала я с такой силой, что тут же заболело горло. – ВЫ ДАЖЕ ХУЖЕ ЗВЕРЕЙ, ВЫ КАК ПУСТЫШКИ!

Крики в толпе постепенно стихли.

– На кого вы похожи? – продолжала я. – Прекратите!

Я посмотрела вниз, на Каллума. Лицо у него стало очень странное.

«Каллум, не смотри на меня так. Я не тебя имела в виду. Ты тут точно ни при чем. Я обращалась к другим, хотела их остановить, хотела, чтобы они помогли вам. Я не тебя имела в виду...»

Глава 6

• Каллум

Не может быть, чтобы она так сказала. Это не она. Сеффи такого не говорит. Я сейчас проснусь. Проснусь, и окажется, что весь этот хаос – просто страшный сон. Проснусь и посмеюсь над тем, какие шутки шутит мой мозг. Или взвою. Нет, она этого не говорила.

Нет, сказала.

Я не пустышка. Я, может, и нуль, но не пустое место. Я не пустышка. Пустышка – тот, кто недостоин занимать время и пространство. Полное ничтожество. Я не пустышка. Я НЕ ПУСТЫШКА.

Сеффи...

Глава 7

× Сеффи

Волны лизали берег. Стоял чудесный осенний вечер, прекрасное окончание мерзкого дня. Я, наверное, в жизни не чувствовала себя настолько несчастной и никчемной.

Каллум сидел рядом со мной, но с тем же успехом мог бы сидеть на Луне.

– Ты мне ничего не хочешь сказать?

Поначалу я подумала, что он не ответит.

– Что ты хочешь от меня услышать?

– Я же попросила прощения. – Новая попытка примирения.

– Да, попросила.

Я смотрела на профиль Каллума, непроницаемый и неумолимый. Сама виновата. Это я понимала – хотя не до конца осознавала, что, собственно, натворила.

– Подумаешь, просто слово, Каллум.

– Просто слово... – медленно повторил Каллум.

– Слово не воробей... Но, Каллум, это же только слово и больше ничего! – взмолилась я.

– Сеффи, если бы ты ударила меня кулаком или даже ножом, рано или поздно болеть бы перестало. Рано или поздно. Но я никогда не забуду, как ты меня назвала, Сеффи. Никогда. Даже если проживу пятьсот лет.

Я вытерла щеки, но слезы все текли и текли.

– Я не имела этого в виду. Я не имела в виду тебя. Я только... я хотела помочь.

Тут Каллум посмотрел на меня, и от выражения его глаз слезы полились еще пуще.

– Сеффи...

– Пожалуйста, прости меня!

Я с ужасом ждала, что он теперь скажет.

– Сеффи, нам, наверное, лучше видеться пореже.

– Каллум, не надо! Я же попросила прощения!

– Думаешь, это все исправило, да?

– Нет. Даже близко. Но не надо так со мной! Ты мой лучший друг. Я не знаю, что бы я без тебя делала!

Каллум отвернулся. Я перестала дышать.

– Поклянись, – тихо проговорил он.

– Поклянусь в чем хочешь.

– Поклянись мне, что больше никогда, никогда в жизни не произнесешь это слово.

Почему он не понимает, что я вообще не про него говорила? Подумаешь, слово. Папа же использует его, и ничего. Но от этого слова стало больно моему лучшему другу. А теперь от него больно мне – и еще как. Раньше я и представить себе не могла, какая это сила – слова. Вот уж правда: слово – не воробей, вылетит – не поймаешь, не отменишь, хоть убейся.

– Поклянись! – потребовал Каллум.

– Клянусь.

Мы оба устали на море. Я понимала, что мне пора домой. Опоздала к ужину – да настолько, что скоро уже завтракать пора. Мама мне голову оторвет. Но первой я отсюда не уйду. И не хочу вставать на ноги. Вот и не встану. Я поежилась, хотя было ничуть не холодно.

Каллум снял куртку и набросил мне на плечи. Она пахла мылом, чипсами – и Каллумом. Я поплотнее завернулась в нее и спросила:

– А ты?

– А что я? – отозвался он.

– Ты же замерзнешь.

– Ничего страшного.

Я пододвинулась поближе и положила голову ему на плечо. Он весь напрягся, и на миг я испугалась, что он отстранится, но потом он расслабился – и, хотя не стал меня обнимать, как обычно, но и не оттолкнул. Одно-единственное слово – весь этот кошмар у нас случился из-за одного-единственного слова. Проживи я теперь хоть пятьсот миллионов лет, я никогда, ни за что больше не произнесу это ужасное слово. Никогда. Солнце склонилось к горизонту, пламенеющее небо окрасилось в розовый и оранжевый. Мы сидели и молча наблюдали за ним.

– Я тут подумал и... в общем, мы можем видиться после школы, но я считаю, что в школе тебе не надо заговаривать со мной, – сказал Каллум.

Я, мягко говоря, оторопела:

– Ты чего? Почему?!

– Не хочу, чтобы ты из-за меня лишилась друзей. Я знаю, как они тебе дороги.

– Ты тоже мой друг.

– Нет. Когда мы с тобой в школе – нет, – отрезал Каллум.

– Глупости.

– Правда?

Я открыла рот, потом закрыла, будто рыба на берегу, но что тут возразишь?

Каллум поднялся.

– Мне пора домой. Идешь?

Я мотнула головой.

– Тебе от мамы так влетит, что спутники с неба посыплются!

– Понедельник. Мама в гостях, – ответила я.

– А папа?

– Сам знаешь, в будни он сюда не ездит. Остается в городском доме.

– А Минерва?

– Не знаю. Может, гуляет со своим парнем. Каллум, за меня не беспокойся. Я еще немного тут посижу.

– Только не слишком долго, ладно?

– Ладно. – Я вернула ему куртку.

Он взял ее с явной неохотой. И ушел. Я смотрела ему вслед, мечтала, чтобы он обернулся, чтобы вернулся ко мне. Но нет. Ощущение было такое, словно я гляжу на нас с ним со стороны. В последнее время я все чаще и чаще смотрела на свою жизнь будто из зрительного зала. Надо принять решение. Надо определить, каким именно другом станет для меня Каллум. Вот уж не ожидала, что об этом вообще придется думать. Дожили!

Глава 8

• Каллум

– Ты хоть знаешь, который час? – напустилась на меня мама, едва я ступил на порог. На другие темы мы с ней почти что и не разговаривали.

– Извини, – буркнул я.

– Ужин в духовке – наверняка уже засох, так что и не разгрызть.

– Ничего страшного, мама.

– И где тебя носило до десяти вечера? – внезапно спросил папа.

Я удивился: обычно он не читает мне нотаций, когда я поздно возвращаюсь. Это мамина епархия.

– Эй! – поторопил меня папа, когда я не ответил.

Чего он хочет от меня? «Понимаешь, я попрощался с Сеффи на берегу почти два часа назад, а потом, прячась в тени, шел за ней до самого дома, чтобы знать, что с ней ничего не случится. А оттуда до нас еще час пешком». Ага, сейчас! Такая правдивость до добра не доведет.

– Просто решил пройтись. Надо было о многом подумать.

По крайней мере, тут я не соврал.

– Сынок, у тебя все хорошо? – спросил папа. – Я побежал в Хиткрофт, как только услышал о беспорядках, но полиция меня не пропустила.

– Почему?!

– У меня не было официальных оснований находиться на территории – конец цитаты. – Папа не сумел скрыть горечи в голосе.

– Ах они тухлые вониючие...

– Джуд, нельзя ругаться за обеденным столом, – оборвала его мама.

Я взглянул на Джуда и увидел, что запаса злобы у него хватит на всех. Он щерился на меня, будто я был среди тех, кто не пустил папу в школу.

– Как все прошло, сынок? Как уроки? – тихо спросил папа.

Что мне ответить? Правду или чтобы всем понравилось?

– Хорошо, – соврал я. – После того как мы попали в здание, все было отлично.

Не считая того, что учителя смотрели сквозь нас, а Кресты при каждом удобном случае толкались, пихались, выбивали из рук учебники – и даже нули в столовой сначала старательно обслужили всех Крестов в очереди, а потом уже нас.

– Нормально все прошло.

– Каллум, тебя приняли в школу. Не поддавайся на провокации всяких трэфовых свиней, понимаешь?

– Понимаю.

– Прошу прощения. – Мама развернулась к папе. – Когда я говорю, что не желаю, чтобы за столом ругались, это касается всех, тебя в том числе.

– Извини, милая. – Папа понурился и заговорщически подмигнул нам.

– Тебя по ящику показали, – сообщил Джуд. – И твою «подружку». Весь мир слышал, что она сказала.

– Она нечаянно.

Я ляпнул это, не подумав. Большая ошибка.

– Нечаянно?! – оскалился Джуд. – Ты спятил? Такое нечаянно не говорят. Она именно это и имела в виду.

– У них вся семейка такая. – Мама фыркнула. – Вижу, мисс Сеффи пошла в матушку.

Мне пришлось прикусить губу. Сейчас лучше не спорить.

– Хорошо, что ты там больше не работаешь, – многозначительно сказал папа маме.

– Можешь мне этого не повторять, – кивнула мама. – Деньги никогда не лишние, но туда я ни за какие сокровища не вернулась бы. Я не святая, чтобы ладить с этой надутой курицей миссис Хэдли.

– Когда-то вы дружили, – напомнил я ей и сунул в рот ложку ссохшегося картофельного пюре.

– Дружили? Да никогда, – отмахнулась мама. – Она мне покровительствовала, а я с этим мирилась, поскольку мне была нужна работа. Вот и все.

А мне помнилось иначе. Несколько лет назад – целую вечность – мама с миссис Хэдли были настоящими подругами. Мама была няней сначала Минервы, потом Сеффи – и с самого рождения Минервы помогала миссис Хэдли по дому. А Сеффи была мне самым близким человеком на свете, ближе даже Линетт, моего лучшего друга в этом доме. Помню, я был совсем кроха, а Сеффи только родилась – я помогал купать ее и менять ей подгузники. А когда она подросла, мы играли в прятки и в пятнашки в саду семьи Хэдли, и мама за нами присматривала, а иногда к ней присоединялась миссис Хэдли, и тогда они болтали и смеялись. До сих пор не знаю, из-за чего все переменялось. Вот только что миссис Хэдли с мамой были не разлей вода – и вдруг нас перестали и близко подпускать к их дому. Прошло уже больше трех лет.

Я до сих пор иногда задумывался, как миссис Хэдли себе это представляла: мы с Сеффи были лучшие друзья, а теперь вообще перестанем видеться? Сеффи сказала ей, что так не получится. Я сказал маме то же самое. Обе отказались нас слушать. Но это не играло ни малейшей роли. Мы с Сеффи по-прежнему виделись не реже чем через день – и не собирались расставаться. Мы дали друг другу слово. Поклялись самой священной клятвой, на крови. Просто теперь нам нельзя было никому об этом рассказывать – и только-то. У нас был собственный мир, наше тайное убежище на берегу, куда никто не заглядывает и где нас никто никогда не найдет, если не будет знать, где искать. Не то чтобы огромный мир, на самом деле крохотный, зато *наш*.

– Тише, тише. Новости передают. – Папа прижал палец к губам. Я затаил дыхание.

Хорошо хоть беспорядки в Хиткрофте не стали событием дня. Первыми шли новости об Освободительном Ополчении.

– Сегодня министр внутренних дел Камаль Хэдли выступил с заявлением, согласно которому нулям, по своему заблуждению примкнувшим к Освободительному Ополчению, будет нигде продолжать прятаться, у них не останется прибежища.

Ведущий исчез, начался видеорепортаж: папа Сеффи на площади у Парламента. Наплыв камеры – и его лицо заняло весь экран.

– Мистер Хэдли, верно ли, что решение допустить некоторых нулей в наши школы, принятое вашим кабинетом, стало прямым результатом давления со стороны Освободительного Ополчения?

– Отнюдь нет, – не задумываясь возразил папа Сеффи. – Наш кабинет не позволит себя шантажировать никаким незаконным террористическим группировкам. Мы действовали согласно директиве Пангейского экономического сообщества, которую наш кабинет намеревался исполнить в любом случае.

Мой папа только поморщился.

– Наше решение допустить лучших из лучших юных нулей в свои образовательные учреждения имеет прочную социально-экономическую основу. В цивилизованном обществе равное право на образование для нулей, обладающих соответствующими способностями...

Тут я перестал слушать. Папа Сеффи ничуть не изменился с тех пор, как мы с ним в последний раз разговаривали – сто лет назад: там, где можно было ограничиться одним снисходительным словом, он неизменно вставлял двадцать. Мне он никогда особенно не нравился. Точнее, я считал его напыщенным пустозвоном. Да нет же, он мне вообще не нравился. В семье

Сеффи мне не нравился никто. Все они одинаковые. Минерва – та еще воображала. Ее мамаша – злока, папаша – скотина. И все поглядывают на нас, нулей, сверху вниз.

– Освободительное Ополчение – это террористы, руководствующиеся ошибочными мотивами, и мы не оставим от этой организации камня на камне и добьемся правосудия...

Папа Сеффи все разливался соловьем. Я хотел было снова отключиться, но тут Джуд отмочил такое, что я мигом вернулся с небес на землю.

– Да здравствует Освободительное Ополчение! – Мой брат вскинул кулак в воздух, сжав пальцы с такой силой, что у меня мелькнула мысль: больно, наверное, будет разжимать.

– И то верно, сынок.

Папа с Джудом обменялись понимающими взглядами и снова уставились в телик. Я удивленно посмотрел на них, потом на маму. Она тут же отвернулась. Я снова посмотрел на папу с Джудом. Происходило что-то непонятное. Что-то связанное с Освободительным Ополчением, моим отцом и моим братом. Ну и пожалуйста, я не против. Я против того, что меня в это не посвятили.

– Появились неподтвержденные сведения, что бомба, заложенная в машине у Всемирного торгового центра месяц назад, – дело рук Освободительного Ополчения, – продолжал репортер. – Какие меры предпринимаются для поисков виновных?

– Могу сообщить вам, что обнаружить виновных и добиться скорейшего беспощадного суда над ними – наш главный приоритет. Политический терроризм, приводящий к гибели или тяжелому ранению даже одного-единственного Креста, всегда карался смертной казнью. Виновные будут присуждены к смерти, здесь двух мнений быть не может...

И та-та-та, и бу-бу-бу. Папа Сеффи бубнил еще минуту, не меньше, не давая журналисту и слово вставить – в его гладкую речь было нипочем не вклиниться. Я снова отключился – только ждал, когда он договорит, и надеялся, что говорить он будет еще долго.

Глава 9

× Сеффи

– Сеффи, папу по телевизору показывают. – Чтобы сообщить об этом, мама распахнула дверь в мою комнату.

Тоже мне событие! Мама, наверное, думает, что мне по-прежнему пять и я при виде папочки в телевизоре запрыгаю от восторга.

– Сеффи!

– Да, мама. Я уже смотрю.

Я нажала кнопку на пульте и включила ящик. Ради мира в семье я готова на все! И с первого раза попала на нужный канал. Повезло!

– ...по меньшей мере заблуждаются. – Вид у папы был не слишком-то довольный. – Министр Пеланго еще очень молод и не отдает себе отчета, что перемены в нашем обществе должны быть медленными, постепенными...

– Еще медленнее – и мы назад покатимся, – вставил министр Пеланго.

От этого вид у папы стал еще более недовольный, а я улыбнулась.

– Мы называем себя цивилизованной страной, однако в других странах ПЭС у нулей больше прав, – продолжал Пеланго.

– А во многих других странах – значительно меньше, – резко возразил папа.

– Можно подумать, из этого следует, что наш образ действий идеален!

– Если политика правящей партии не соответствует представлениям мистера Пеланго, вероятно, он поступит, как подобает благородному человеку, и подаст в отставку, – процедил папа.

– Не дождетесь! – последовал немедленный ответ. – В нашем правительстве многовато людей, живущих в прошлом. Мой долг – вытащить их в настоящее, иначе ни у кого из нас не будет достойного будущего – ни у Крестов, ни у нулей.

Мама вышла. Как только дверь за ней закрылась, щелкнув ручкой, я нажала кнопку на пульте, переключаясь на другой канал. Что смотреть, мне было все равно. Любой канал подойдет. Меня с детства пичкали политикой, политикой, политикой. И теперь она меня совершенно не интересовала – ни в каком виде, ни под каким соусом. Неужели мама не в состоянии этого понять?

Глава 10

• Каллум

В конце концов Камаль Хэдли перестал долдонить, и на экране появилась школа Хиткрофт. Естественно, в новостях решили не показывать, что полиция, которой полагалось нас охранять, подпустила толпу к нам и закрыла глаза на то, что нас пихали, дергали, били. Почему-то камера никак не могла оказаться в нужном месте, чтобы показать, что мой пиджак сзади был оплеван Крестами. Еще бы! На все это в новостях не было ни намека.

– Нули, принятые в школу Хиткрофт, сегодня были встречены несколько враждебно, – начала ведущая.

Несколько враждебно? Должно быть, второе имя этой корреспондентки было Эффи, сокращенно от Эвфемизм!

– Возникли опасения, что нули-экстремисты могут воспользоваться напряженностью, поэтому к месту событий были стянуты силы полиции, – продолжала диктор.

Джуд что-то пробормотал вполголоса, и я, честно говоря, его понимал. Даже мне было мерзко смотреть на все это, а я гораздо терпеливее брата. Линетт взяла меня за руку. Улыбнулась – и я почувствовал, как злость стихает. Так могли только Линетт и Сеффи – вмиг развеивать ярость, которая временами копилась у меня внутри и грозила вырваться наружу. Но иногда... иногда я злился так, что самому становилось страшно.

На экране возникла сначала лежащая на земле Шанайя, а потом – Сеффи, кричащая на толпу. Послышался закадровый голос репортера:

– Важную роль в подавлении беспорядков сыграла Персефона Хэдли, дочь Камала Хэдли...

– Пойду к себе. Мне много задали. – Я вскочил на ноги.

Поздно. Я не успел выйти за дверь – те слова прогремели из телевизора мне в спину. Я знал, чего ждать, что она скажет, и все равно вжал голову в плечи. И вышел, пока никто ничего не сказал мне, но знал, что вся семья смотрит мне вслед. Тщательно закрыв за собой дверь, я прислонился к ней спиной и глубоко вздохнул.

Сеффи...

– Все они одинаковы, – услышал я презрительный голос Джуда. – Кресты и нули никогда не смогут жить мирно, не то что дружить, а Каллум просто сам себя обманывает, если считает, что этой девчонке из Крестов не наплевать на него с высокой вишни. Стоит надавить, и она пошлет его куда подальше, да с такой скоростью, что он сгорит в атмосфере!

– Мы с тобой это понимаем, а он нет, – сказал папа к моему удивлению.

– Ну, чем раньше он это усвоит, тем лучше, – вздохнула мама.

– Это ты возьмешь на себя задачу все ему рассказать? – спросил папа. – Я пас.

– Никому из этих Крестов доверять нельзя, – объявил Джуд.

Никто не возразил.

– Кто-то должен открыть Каллуму глаза. Иначе ему будет плохо, – продолжал Джуд.

– Ты что, сам вызываешься? – спросил папа.

– Скажу, если надо, – отозвался Джуд.

– Нет! Нет, я сама, – сказала мама. – Я это сделаю.

– Когда?

– Как только представится случай. А вы посидите тихо! – велела мама.

Больше я слушать не мог. Двинулся вверх, ссутулившись и повесив голову. Впервые в жизни я подумал, что, может быть, мои родные правы, а я – нет.

Глава 11

× Сеффи

Следующим уроком была история. Ненавижу историю. Пустая трата времени. Но сегодня у истории было одно преимущество. Каллуму тоже полагалось на нее ходить. Рядом со мной села моя подруга Клэр.

– Э-э... Клэр, не могла бы ты сегодня посидеть где-нибудь в другом месте? Тут занято, я жду кое-кого.

– Кого?

– Кое-кого.

Клэр оскорбленно поглядела на меня:

– Как хочешь.

И она упорхнула, даже не обернувшись. Я вздохнула и взволнованно уставилась на дверь. Каллум с другими нулями вошли последними. Остальные оттолкнули их и пролезли вперед, Каллум им и слова не сказал. Я бы так не смогла.

Я улыбнулась Каллуму и показала на место рядом с собой. Каллум посмотрел на меня, отвел глаза и сел с другим нулем. Весь класс посмотрел на меня, на него, потом снова на меня. Щеки у меня запылали от унижения. Как он мог выставить меня на посмеище? Как он мог? Я помнила, что он сказал вчера вечером, но хотела показать ему, что мне все равно: пусть все знают, что мы друзья. Меня это ни капельки не беспокоит. Так почему Каллум взял и отвернулся от меня?

Вошел мистер Джейсон и начал урок, не успев даже дверь за собой закрыть. И за две минуты стало ясно, что настроение у него отвратительное, даже хуже обычного. Никто не мог ему угодить, особенно нули.

– Кто знает, какое историческое событие произошло в сто сорок шестом году до нашей эры? – отчеканил мистер Джейсон.

Сто сорок шестой год до нашей эры?! Да кому это интересно?! Я решила затаиться и поспать с открытыми глазами до конца урока. Каллум нагнулся достать что-то из сумки. С моего места не было видно, что именно. Хрясть! Мистер Джейсон ударил по столу Каллума тяжелым толстым учебником по истории.

– На уроке надо слушать, юноша! – рявкнул мистер Джейсон. – Неужели ваши родители так бедны, что даже на капельку мозгов для вас не смогли скинуться?

Каллум не ответил. Многие в классе захихикали. Кое-кто промолчал. Мистер Джейсон повел себя по-свински, и, когда он проходил мимо меня, я поглядела на него исподлобья, чтобы знал, что я думаю о его поведении. Это еще пуще разозлило его. На меня накричали дважды за полчаса. Но я не огорчилась. Ну его, мистера Джейсона. У меня были заботы поважнее – например, доказать Каллуму, что меня и в самом деле не тревожит, если все узнают, что он мой друг. Более того, я этим горжусь. Но как это сделать? И тут меня осенило! Эврика! Идеальное решение. Только бы этот урок поскорее кончился, нечего тут тянуть. Я думала только об одном – о школьной столовой. Мне нужно обязательно попасть туда одной из первых. Когда наконец прозвенел звонок, я тут же вскочила. И в спешке оттолкнула учителя.

– Эй, вы что себе позволяете?

– Простите, сэр. – Я хотела было протиснуться мимо него в коридор. Большая ошибка.

– Поскольку вы куда-то очень спешите, можете подождать, пока все остальные не выйдут.

– Но, сэр...

Мистер Джейсон поднял ладонь.

– Станете спорить – считайте, что вам повезет, если вообще успеете поесть.

Я прикусила язык. Мистер Джейсон был самый настоящий поганец – несдержанный и невоспитанный. Причем всю жизнь старательно оттачивал свои поганские качества. Поэтому я ждала, пока все остальные шагали мимо с самодовольными улыбочками. Я опоздала в столовую – именно сегодня, когда мне было жизненно необходимо быть одной из первых. Каллум и остальные нули уже взяли еду и сели, когда я вошла в двери столовой. Все нули сидели за отдельным столом, как и вчера.

Я встала в очередь за едой. Ничего особенного я делать не собиралась, почему же у меня так странно колотится сердце? Взяла пирог с курицей и грибами с обычным гарниром из разваренных овощей, песочное пирожное с вареньем и переслащенным заварным кремом, паке-тик молока и, набрав в грудь побольше воздуха, направилась к столу, где сидел Каллум. Каллум и остальные нули подняли головы, когда я подошла, но тут же отвели глаза.

– Можно сесть к вам?

У всех у них сделался до того потрясенный вид, что даже не смешно. Остальные нули так и сидели ошарашенные, но выражение лица Каллума изменилось. Я села, не дав ему времени сказать «нет», а себе – струсить и удрать.

– Что ты делаешь? – процедил он.

– Собираюсь поесть, – ответила я и отрезала кусочек пирога. Попыталась улыбнуться остальным трем нулям, но они тут же уставились к себе в тарелки.

– Привет. Меня зовут Сеффи Хэдли. – Я сунула руку для пожатия прямо под нос девушке-нулю, сидевшей рядом со мной. У нее на лбу был темно-коричневый пластырь, очень заметный на бледной белой коже. – Добро пожаловать в Хиткрофт.

Девушка поглядела на мою руку, словно боялась, что она ее укусит. Вытерла ладонь о блузку, пожалала мою руку и медленно покачала.

– Я Шанайя, – тихо проговорила она.

– Красивое имя. А что оно значит? – спросила я.

Шанайя напряглась:

– Ничего.

– Мама говорила, что мое имя означает «тихая ночь». – Я засмеялась. – Но Каллум подтвердит, что тихой меня уж точно не назовешь!

Шанайя улыбнулась мне. Робко и коротко, но хотя бы искренне – на сколько уж хватило.

– Как твоя голова? – спросила я, показав на пластырь.

– Ничего. Лоб у меня крепкий, так просто об ступеньку не разобьешь.

Я улыбнулась:

– Пластырь довольно заметный.

– Розовых в аптеках не продают, только темно-коричневые. – Шанайя пожалала плечами.

Я только глаза вытаращила. Мне ничего подобного и в голову не приходило – но ведь она права. Никогда в жизни не видела розовых пластырей. Пластыри делают нашего цвета, цвета Крестов, а не цвета нулей.

– Сеффи! Что это вы здесь делаете? – Рядом словно из ниоткуда возникла завуч миссис Боуден и сердито уставилась на меня.

– Прошу прощения?..

– Что вы делаете?

– Сажу и ем, – удивилась я.

– Не паясничайте.

– Я и не паясничаю. Я сажу и ем.

– Вернитесь за свой стол. Сию же минуту. – Вид у миссис Боуден сделался такой, словно она вот-вот извергнет тонны лавы.

Я огляделась. На меня были уставлены все взгляды – а именно этого мне хотелось меньше всего.

– Но я уже тут сижу, – выдавила я.

– Вернитесь за свой стол. Немедленно!

Куда мне идти-то? У меня нет личного стола. Тут наконец до меня дошло, что имела в виду миссис Боуден. Она имела в виду не какой-то мой стол, а стол, за которым сидят такие, как я. Я снова огляделась. Каллум и прочие на меня не смотрели. Все остальные смотрели. А эти нет.

– Я сижу со своим другом Каллумом, – прошептала я.

Мне самой не было слышно собственный голос, поэтому я не знала, слышит ли меня миссис Боуден, но она услышала. Она схватила меня за плечо и сдернула со стула. Я не успела выпустить поднос, и еда полетела в разные стороны.

– Персефона Хэдли, идите за мной. – Миссис Боуден оттянула меня от стола и потащила через всю столовую.

Я пыталась вырваться, но хватка у нее была будто у питона, обожравшегося стероидов. Я покрутила головой. Неужели никто не вмешается? Похоже, нет. Потом я вывернула шею, чтобы увидеть Каллума. Он смотрел мне вслед, но отвернулся, едва я перехватила его взгляд. И тогда я перестала вырываться. Выпрямила спину и отправилась следом за миссис Боуден в кабинет директора. Каллум отвернулся от меня. Остальное было неважно, но это – важно. Он от меня отвернулся...

Да, до меня доходило медленно, но теперь наконец дошло. Боже милостивый, наконец дошло.

Глава 12

• Каллум

Я понял, что не могу здесь оставаться. Оставил недоеденный обед и вышел из столовой, ни слова не сказав остальным.

«Я не могу здесь оставаться».

Я вышел из столовой, из корпуса, из школьных ворот, шагая все быстрее, все лихорадочнее – и, выскочив за ворота, пустился бежать. И бежал, бежал – у меня уже ныла спина, болели ноги, сердце грозило выпрыгнуть из груди, а я все бежал. Добежал до окраины, потом до самого пляжа. Рухнул ничком на холодный песок, обливаясь потом. Врезал по песку кулаком. И еще, и еще. И вот уже замолотил по нему обоими кулаками. И вот уже ободрал костяшки, показалась кровь. А больше всего на свете мне хотелось, чтобы вместо песка под моими кулаками оказалось лицо Сеффи.

Глава 13

× Сеффи

Мерседес стоял на обычном месте, у главного корпуса школы. Когда я подбежала к нему, оттуда вышел незнакомец и открыл передо мной заднюю дверь. У него были мышиного цвета жидкие волосы, будто приклеенные к голове, и ледяные, словно у призрака, голубые глаза.

– Кто вы такой?

– Карл, ваш новый шофер.

– А где Гарри? – спросила я, забираясь на сиденье.

– Он нашел другую работу.

– И мне не сказал?

Карл пожал плечами и захлопнул дверь. Я смотрела, как он усаживается за руль и заводит машину, и все сильнее хмурилась.

– Где он теперь работает?

– Не знаю, мисс.

– Почему решил уволиться?

– Этого я тоже не знаю.

– Где Гарри живет?

– Почему вы спрашиваете, мисс Сеффи?

– Я бы хотела послать ему открытку с пожеланиями удачи.

– Если вы отдадите ее мне, мисс, я непременно доставлю ее.

Наши с Карлом глаза встретились в зеркале заднего вида.

– Ладно, – проговорила я наконец. А что еще тут скажешь?

Гарри ни за что не бросил бы меня, тем более не попрощавшись. Я это точно знала, так же точно, как собственное имя. Тут мне в голову пришла ужасная мысль.

– Вы... вы правда мой новый шофер, да?

– Разумеется, мисс Сеффи. Ваша мама наняла меня сегодня утром. Могу показать вам удостоверение личности, если хотите. – По лицу Карла пробежала мимолетная улыбка.

– Нет, не нужно. – Я откинулась на сиденье и пристегнулась.

Мы отъехали. Я увидела кое-кого из соучеников – когда машина проехала мимо, они стали тыкать в меня пальцами, зашептались и захихикали, кто во что горазд. Слухи о том, что я села за стол к нулям, распространились по школе, будто грипп в разгар эпидемии. И я понимала, что все только начинается. Мистер Корса пригрозил, что напишет письмо маме и имейл папе. Этак, разумеется, скоро и до королевы дойдет. Но мне все было бы нипочем, если бы от меня не отвернулся Каллум. А он отвернулся. И я этого никогда не забуду. Он отвернулся от меня, словно... словно мы были незнакомы. Словно я пустое место. Наверное, мама все-таки права. Наверное, Кресты с нулями не могут дружить. Наверное, мы слишком разные.

Неужели я и правда так думаю?

Теперь я и сама не знала, как я думаю.

Глава 14

• Каллум

Не знаю, сколько я там просидел, глядя на закатное солнце, поджигавшее небо, на ночную мглу, все настойчивее скрывавшую свои тайны. Почему моя жизнь вдруг настолько осложнилась? Вот уже целый год я мог думать и даже мечтать только об одном – о поступлении в школу. В школу Сеффи. Я настолько сосредоточился на том, чтобы пройти в Хиткрофт, что не слишком задумывался, что же я буду делать, когда туда попаду. Я не задумывался, каково это – чувствовать себя настолько... незванным гостем. Да и зачем было стараться? Даже после Хиткрофта никто не примет меня на достойную работу. Ни один Крест никогда не поручит мне ничего, кроме самой унылой, самой черной работы, – к чему тогда все это? Но я хотел учиться. Ненасытная бездна внутри меня требовала, чтобы ее заполнили словами, мыслями, идеями, фактами и домыслами. Но если я получу образование, чем мне занять остаток жизни? Кем мне стать? Смогу ли я быть по-настоящему счастливым, зная, что мог бы сделать гораздо больше – *стать* кем-то гораздо значительнее, – только вот мне не разрешили?

Я изо всех сил пытался понять, как и почему возникло нынешнее мироустройство. Считается, что Кресты ближе к Богу. Так сказано в «Книге Добра». Сын Божий был темнокожим, как они, у него были такие же глаза и волосы. Так сказано в «Книге Добра». Но ведь в «Книге Добра» сказано много всякого. Например, «возлюби ближнего своего» и «поступайте с другими так, как хотите, чтобы они поступали с вами». Если вдуматься, в «Книге Добра» в целом говорится, что надо жить и давать жить другим. Тогда почему Кресты называют себя «богоизбранными» – и при этом обращаются с нами по-прежнему? Ладно, положим, мы больше не рабы, но папа говорит, что изменилось только название. Папа не верит в «Книгу Добра». Мама тоже. Они говорят, ее написали и перевели Кресты, поэтому, естественно, все в ней подано с их точки зрения. Но ведь истина есть истина! Нули... Само слово – и то обидное. Нуль. Ничто. Пустое место. Явно мы не сами придумали так себя называть. Это название нам дали другие. Но за что?

– Я не понимаю!

Крик вырвался у меня сам собой – от ярости и бешенства – и разнесся до самого неба и выше.

Я просидел там сам не знаю сколько, злобные мысли кружились, будто трупные мухи, голова трещала, грудь болела. И вдруг я разом стряхнул все это с себя. На меня кто-то смотрел. Я резко обернулся – и все мое тело вздрогнуло, будто от удара током.

Поодаль на песке стояла Сеффи – стояла совершенно неподвижно на самом ветру, от которого ее юбка и пиджак раздувались, словно паруса. Нас разделяло метров семь – или семь миллионов световых лет, это как посмотреть.

Потом Сеффи отвернулась и двинулась прочь.

– Сеффи, подожди!

Я вскочил на ноги и бросился за ней.

Она не замедлила шаг.

– Сеффи, пожалуйста, подожди!

Я догнал ее и развернул лицом к себе. Она вырвалась из моих рук, будто я был заразный.

– Чего тебе?

– Не надо так! – взмолился я.

– Как – так?

Я свирепо уставился на нее:

– Ты разве не собиралась тут посидеть?

– Вроде бы нет.

– Почему?

Сначала я решил, что она отмолчится.

– Я не сижу там, где меня не желают видеть.

Сеффи снова отвернулась. Я забежал вперед и преградил ей путь.

– Я это сделал ради тебя же!

Лицо ее на миг исказилось.

– Правда? Ради тебя или ради себя? Мы о чем сейчас говорим?

– Возможно, и то и другое, – признался я.

– Возможно, много одного и ничего другого, – возразила Сеффи.

– Ладно. Извини меня, пожалуйста. Довольна?

– И ты меня извини. До свидания, Каллум.

Сеффи снова попыталась обойти меня, но я стоял у нее прямо на дороге. Я был сам не свой от ужаса. Если она сейчас уйдет – конец всему. Вот странно: несколько часов назад я только об этом и мечтал.

– Сеффи, подожди!

– Чего мне ждать?

– Д-давай мы с тобой в субботу съездим в Праздничный лес. Устроим пикник.

Глаза у Сеффи вспыхнули, хотя она изо всех сил постаралась это скрыть. Я украдкой вздохнул с облегчением, хотя попытался этого не показать.

– В Праздничный лес...

– Ну да. Вдвоем.

– Тебе точно не будет стыдно, если тебя увидят со мной? – уточнила Сеффи.

– Не говори глупостей.

Сеффи смерила меня взглядом.

– Во сколько встречаемся? – спросила она, помолчав.

– Давай в пол-одиннадцатого на станции. Буду ждать тебя на платформе.

– Ладно. – Сеффи отвернулась.

– Ты куда? – спросил я.

– Домой.

– Не хочешь посидеть тут немного?

– Не хочу тебе мешать.

– Сеффи, хватит! – рявкнул я.

– Чего хватит? Каллум, ты сноб! А я только сегодня это поняла! – рявкнула в ответ Сеффи, разозлившись не меньше моего. – Я думала, ты лучше, выше всей этой чепухи. А ты такой же, как все! «Кресты и нули не должны общаться. Кресты и нули не должны дружить. Кресты и нули не должны жить на одной планете!»

– Чушь собачья! – взвился я. – Я так не считаю, и ты прекрасно это знаешь!

– Да? – Сеффи наклонила голову набок, продолжая буравить меня взглядом. – Ну, если ты не сноб, тогда лицемер, а это еще хуже. «Я готов с тобой разговаривать, но при условии, что нас никто не увидит и никто ни о чем не узнает».

– Не смей со мной так говорить!

– Почему? Правда глаза колет? – спросила Сеффи. – Так что на самом деле? Ты сноб или лицемер, а, Каллум?

– Да пошла ты, Сеффи!

– С удовольствием.

На этот раз, когда Сеффи зашагала прочь, я не попытался остановить ее. Только смотрел ей вслед.

Глава 15

× Сеффи

Недаром говорят: «Будь осторожнее в своих желаниях, потому что они могут сбыться!» До сегодняшнего дня я и не понимала, что это значит. Я ведь месяцами помогала Каллуму с учебкой, чтобы он сдал экзамен в Хиткрофт. Ночами высматривала падающие звезды, чтобы загадать: только бы Каллум поступил и мы учились в одной школе, может быть, даже в одном классе. Вот все и сбылось.

И получился полный ужас. Все, что можно, пошло наперекосяк. Я вздохнула, потом вздохнула еще раз. Нельзя же вечно прятаться в кабинке в туалете. Да и от кого я тут прячусь? От всех тех, кто показывал на меня пальцами и шушукался, когда я проходила по школьному коридору, но в основном от Каллума. После всего, что случилось накануне вечером, я боялась столкнуться с ним. Ужасно боялась, что он теперь перестанет дружить со мной. Поэтому, если я его не увижу, можно будет и дальше убеждать себя, будто между нами все по-прежнему. Но нельзя же вечно сидеть тут на крышке унитаза. Прозвенел звонок на урок. Я встала, глубоко вздохнула и прошептала:

– Ладно. Твой выход.

Отодвинула щеколду, открыла дверь кабинки. И едва шагнула наружу, как тут все и случилось. Лола, Джоанна и Дионна из класса миссис Уотсон – на год старше – впихнули меня обратно в кабинку и втиснулись внутрь сами.

– Нам надо кое о чем с тобой поговорить, – начала Лола.

– А что, обязательно здесь? – спросила я.

Джоанна толкнула меня с такой силой, что мне пришлось схватиться за стенку, чтобы не упасть.

– Мы слышали, что ты вчера устроила, – сказала Джоанна.

– Я вчера много чего устроила. – Сердце у меня упало, но я не собиралась доставлять этой троице удовольствие и показывать, что испугалась.

– В столовой, – продолжала Джоанна. – Ты села за стол к пустышкам.

– А тебе-то что? – спросила я.

Лола ударила меня по лицу. Я потрясенно прижала руку к пылающей щеке. Не то чтобы она ударила меня сильно – просто меня раньше никто никогда не бил. Даже моя сестра Минерва.

– Мне начхать, кто твой папаша, да хоть сам Господь Бог, – сказала Лола. – Держись поближе к своим. Если снова сядешь к пустышкам, все в школе будут считать тебя одной из них.

– Очнись и подумай, на чьей ты стороне, – добавила Джоанна.

– Зачем тебе вообще с ними водиться? – встряла Дионна. – От них воняет, они едят всякую дрянь, и все знают, что никто из них не дружит с мылом и водой.

– Да что за чушь ты городишь?! – Слова сами сорвались у меня языка. – Каллум моется каждый день, от него ничем не пахнет. И от них от всех.

Дионна, Джо и Лола переглянулись.

Лола толкнула меня, я плюхнулась на крышку унитаза и была вынуждена смотреть на них снизу вверх.

«Вот-вот дверь откроется, и кто-нибудь войдет... Придет Каллум и разгонит их. Вытащит их отсюда и покажет, где раки зимуют. Вот-вот...»

Я хотела встать, но Лола пихнула меня обратно и вцепилась мне в плечо – ногти больно впились в кожу.

– Мы предупреждаем в первый и последний раз, – ледяным тоном процедила Лола. – Друзей надо выбирать очень тщательно. Если не будешь держаться подальше от пустышек, скоро увидишь, что у тебя во всей школе не осталось ни одного друга.

– За что вы их так ненавидите? – в недоумении спросила я. – Готова спорить, никто из вас раньше с нулями и словом не перемолвился.

– Почему же, – проговорила Джоанна. – Я сто раз разговаривала с нулями – когда они обслуживают нас в магазинах и ресторанах...

– И у нас в столовой работают нули...

– Ну да, точно. Кроме того, нам не надо с ними разговаривать. Мы через день видим их в новостях. Всем известно, что нули поголовно состоят в Освободительном Ополчении и постоянно устраивают беспорядки, нарушают закон и вообще...

Я оторопело уставилась на них. Не может быть, чтобы они это серьезно, пронеслось у меня в голове. Очевидно, мои мысли ясно читались на лице.

– В новостях не врут, – надменно сообщила мне Лола.

– В новостях постоянно врут. Там говорят только то, что мы, по их мнению, хотим услышать, – сказала я.

Мне так говорил Каллум, и я тогда не до конца понимала, что он имеет в виду. Но теперь мне стало ясно.

– Кто тебе сказал? – Джоанна сощурилась. – Отец?

– Наверняка кто-нибудь из ее приятелей-пустышек, – презрительно скривилась Лола. – Не зря их зовут пустышками: они от природы пустышки.

– О чем ты? – спросила я.

– У них лица белые, без капли цвета – как пустое место. У них мозги, не способные породить ни единой оригинальной мысли, – пустота вместо мозгов. Пустышки, пустышки, пустышки! – пропела Лола. – Вот почему они нам служат, а не наоборот.

– Да тебе надо основать международную корпорацию по торговле этим дерьмом, – протянула я. – Высококачественное удобрение. Разбогатеешь! – Я вскочила на ноги. – Нули – тоже люди, такие же, как мы. Это вы тут тупые, невежественные и...

Лола опять ударила меня по лицу, но на сей раз я была готова. Неважно, кто победит в этой битве – им тоже крепко достанется. Я сжала кулак, размахнулась хорошенько и врезала Лоле в живот. Она согнулась пополам с громким «Уф!». А потом я принялась молотить куда попало кулаками, локтями, ногами – лишь бы успеть нанести побольше ударов, прежде чем противницы опомнятся. Мне удалось застать их врасплох, но ненадолго. Джоанна с Лолой перехватили мои руки, как я ни отбивалась, а Дионна выпрямилась и злобно уставилась на меня. Дионна дралась лучше всех в своей параллели, и все это знали. Только пусть не ждет, что я буду плакать и молить о прощении: не дождется. Она медленно улыбнулась от удовольствия.

– Любительница пустышек. Давно напрашивалась, – негромко проронила она.

После чего уже не сдерживалась.

Перелом

Глава 16

• Каллум

– Каллум, погоди.

Закончился очередной паршивый школьный день, главным уроком которого было напоминание, насколько Кресты нас презирают и обвиняют во всех грехах. Я пытался убедить себя, что на самом деле на меня наезжают только некоторые Кресты, уж точно не все, но это не особенно помогало. Дело в том, что остальные Кресты даже и не думали заступаться за меня.

– Каллум, постой. Погоди!

Я обернулся и увидел, что ко мне со всех ног бежит Шанайя – школьная сумка на боку так и подсакивает.

– Что случилось?

– Ты не слышал? – Шанайя совсем запыхалась.

– Что я должен был слышать?

– Про Сеффи.

– А что Сеффи?

– Ее избили. – Шанайя говорила с нескрываемым удовольствием. – Ее нашли, когда она плакала в женском туалете – том, что рядом с библиотекой.

Мое сердце остановилось. Честное слово. На секунду – но остановилось. Я уставился на Шанайю. И не смог бы выговорить ни слова даже под дулом пистолета.

– И поделом ей! – в восторге воскликнула Шанайя. – Нечего было садиться к нам за стол и выпендриваться! Что она о себе возомнила?

– Она не выпендривалась. Все было совсем не так.

Неужели это мой голос – такой глухой, такой холодный?

– Выпендривалась, конечно. Хотела показать, что она тут главная – что даже такой малявке, и той можно сесть к нам за стол. Хорошо, что нам не пришлось вгонять ей ума куда надо – свои же ее и проучили.

Я встряхнул головой:

– Что ты несешь?!

– Эта Сеффи Хэдли считает, будто, если у нее папаша в правительстве, ей можно разыгрывать Леди Благородство и сидеть с нами. А сама небось пошла руку с мылом мыть, раз я ее пожала! – Шанайя фыркнула.

– Г-где она сейчас?

– Послали за ее мамой, но никто не знает, где она, поэтому за ней приехал шофер. Мамаша-то небось на маникюре...

Дослушивать я не стал. И зашагал прочь, не успела Шанайя закончить фразу.

– Эй, Каллум! Подожди меня. Пошли съедим по мороженому у...

Я бросился бежать – и вот уже ноги у меня мелькали так быстро, что я едва касался земли. Я бежал и бежал и не останавливался до самого дома Хэдли. Надавил на кнопку звонка и держал на ней палец добрых пятнадцать-двадцать секунд, пока кто-то не подоспел открыть дверь.

– Да? – Это была Сара Пайк, секретарша миссис Хэдли, и она смотрела на меня сердито и недоверчиво.

– Я хочу повидать Сеффи. Пустите, пожалуйста.

– К сожалению, врач запретил ее беспокоить. – Сара попыталась захлопнуть дверь у меня перед носом. Я сунул ногу в щель.

– Я хочу повидать Сеффи. Как она?

– Она вся в синяках и сильно расстроена. Врач рекомендует ей всю неделю побыть дома.

– Что случилось? Почему... – Договорить мне не дали.

– Сара, кто это? – При звуке голоса миссис Хэдли Сара захлопнула дверь до того поспешно, что едва не сломала мне ногу. Я толкнул дверь обратно, и Саре пришлось отскочить, чтобы не получить по голове. Миссис Хэдли при виде меня замерла на лестнице. Она сразу меня узнала.

– Ты сын Макгрегоров, верно?

– Да, миссис Хэдли.

Ей не надо было спрашивать. Она и без того знала, кто я.

– Чем могу помочь? – От ее голоса все кругом подернулось инеем.

– Я только что узнал о случившемся. Мне бы хотелось повидать Сеффи, если можно.

– Тебе не кажется, что ты и так уже достаточно натворил? – Я оторопел, и миссис Хэдли продолжила: – Я полагаю, мою дочь избили за то, что она вчера села за твой стол. Можешь собой гордиться.

Я только замотал головой. Слова не шли. Надо хоть что-то сказать – но что?!

– И, насколько я понимаю, ты отвернулся от нее и прогнал, – сообщила миссис Хэдли. – Это так?

Миссис Хэдли ничего не поняла. Никто ничего не понял. Даже Сеффи.

– Может быть, мне следовало и дальше приглашать ее за наш стол? Я же знал, что будет. Поэтому и не хотел, чтобы она сидела с нами. Других причин нет.

– Это ты так говоришь. – Миссис Хэдли отвернулась и двинулась вверх по лестнице.

– Если бы я принял ее за нашим столом с распростертыми объятиями, вы бы первая осудили и ее, и меня! – крикнул я ей вслед.

– Сара, проводите этого... юношу. И проследите, чтобы его нога больше не ступала на порог моего дома.

Миссис Хэдли отдавала распоряжения, даже не оборачиваясь. Просто поднималась по лестнице – безмятежно и аристократично.

– Пожалуйста, позвольте мне увидеться с Сеффи! – взмолился я.

– Вам пора уходить, – извиняющимся тоном сказала мне Сара.

– Прошу вас...

– Извините. – Сара мягко, но настойчиво оттолкнула мою ногу носком туфли и захлопнула дверь.

Я устало провел ладонью по лицу, покрытому испариной. Никто ничего не понимает. Никто.

Особенно я.

Глава 17

× Сеффи

По ящику абсолютно ничего не показывали. Тоже мне, выбор! Идиотские мультики, тупая викторина, новости или фильм про войну. Я со вздохом включила новости. Уставилась в экран невидящим взглядом. Ведущий заканчивал рассказывать о банкире, попавшем в тюрьму за мошенничество, потом стал рассказывать про троих грабителей-нулей, которые разбили витрину роскошного ювелирного магазина и скрылись с драгоценными камнями, украшениями и часами почти на миллион. Почему, если преступления совершают нули, всегда подчеркивают, что это были именно нули? Банкир был Крест. Об этом ведущий ни словом не обмолвился.

– Кто это сделал?

Я повернулась и увидела свою сестру Минни.

– Кто, Сеффи? – повторила она. – Кто тебя избил? Кто бы это ни был, я убью его.

Я помотала головой, выключила телевизор и перевернулась набок спиной к ней. «Уйди, Минни», – подумала я.

Приятно, что она так возмущается, хотя и неожиданно, мягко говоря. Но сейчас мне хотелось одного – чтобы меня оставили в покое. У меня болело все, кроме, пожалуй, трех ресниц на каждом глазу. Все остальное горело огнем. И мне меньше всего на свете хотелось что-то говорить разбитыми ноющими губами.

– Сколько их было?

Я показала три пальца.

– Ты их узнаешь, если увидишь снова?

Я пожала плечами.

– Узнаешь?

– Не знаю. Может быть. Уходи.

Говорить было трудно, словно рот у меня был набит камнями – причем острыми и зазубренными.

– Никто не может избить мою сестру и уйти безнаказанным. Никто.

– Ну вот меня избили и ушли.

– Я выясню, кто это сделал, и тогда – тогда они *очень сильно пожалеют*.

По взгляду сестры я поняла, что она говорит серьезно. Более чем. Впервые с того момента, когда эти три свиньи набросились на меня, мне стало прямо-таки хорошо. Минни еще никогда не вставала на мою защиту с такой решимостью. Если от этого мы с Минни подружимся, можно сказать, дело того стоило...

– Никто не смеет трогать Хэдли. Никто! – Минни вся кипела. – Если решат, что можно обижать тебя, то и до меня скоро доберутся. Я этого не потерплю!

Мой нежный пузырек радости и надежды лопнул раз и навсегда.

– Уйди, Минни. Уйди сейчас же! – заорала я, немилосердно шепелявя. Слов было и не разобрать, но выражение моего лица, очевидно, говорило само за себя.

Минни встала и молча вышла из моей комнаты, хлопнув дверью.

Я закрыла глаза. На чем бы сосредоточиться, кроме синяков по всему телу? Каллум... Даже мысли о нем не приносят обычного облегчения. Всем на меня наплевать. Наплевать на то, кто я есть, какая я на самом деле, что я думаю и чувствую. Что во мне такого, что всех отталкивает? Даже лучший друг отвернулся от меня. Я понимала, что устроила фестиваль жалости к себе, но сдержаться не могла. У меня никого не осталось. И ничего.

Треклятые нули! Это все они виноваты. Если бы не они... И если бы не Лола с подружками... Я до них доберусь, даже если это будет стоить мне жизни. Обязательно доберусь –

и поквитаюсь. Я открыла глаза и не увидела ничего, кроме ненависти. Оказывается, у нас с Минни гораздо больше общего, чем я думала. Ну и пожалуйста.

Глава 18

• Каллум

Математика! Наконец-то я хоть что-то смогу! Наконец-то я займусь тем единственным на свете, в чем могу увидеть смысл. Миссис Пакстон уже успела отвести меня в сторону и сказать, что после новогодних каникул меня, возможно, переведут в класс углубленного изучения математики в нашей параллели. Миссис Пакстон была одной из немногих учителей-Крестов, кто не смотрел на меня как на собачью какашку, которую нужно срочно оттереть с подметки. И предложила позаниматься со мной дополнительно на большой перемене или до уроков, если я захочу. Я собирался задать последний вопрос по системам уравнений из своего списка, когда по классу пронесся непонятный ропот. Я поднял глаза.

Сеффи.

Сердце у меня запрыгало, будто на резинке. Сеффи вернулась. Я не видел ее и ничего не знал о ней целых пять дней. Выглядела она нормально. Вроде бы одна щека слегка опухла, но все остальное – совсем как раньше. Кроме глаз. Она смотрела куда угодно, только бы не на меня.

– С возвращением, Персефона, – улыбнулась миссис Пакстон.

– Спасибо. – Персефона тоже улыбнулась, но лишь на миг.

– Садитесь. – Миссис Пакстон снова отвернулась к доске.

Сеффи огляделась, все остальные тоже. Единственное свободное место было рядом со мной. Сеффи посмотрела на меня – и тут же снова отвела взгляд. Глаза ее забегали по классу. Я опустил голову. Снова пронесся какой-то ропот. Миссис Пакстон обернулась.

– Что случилось, Персефона?

– Мне некуда сесть, миссис Пакстон, – тихо проговорила Сеффи.

– Рядом с Каллумом есть место. Эй! Что вы расшумелись? За работу! – Миссис Пакстон повысила голос, чтобы перекрыть шушуканье в классе.

– Но миссис Боуден запретила мне садиться с нулями...

– Миссис Боуден имела в виду столовую, – объявила миссис Пакстон. – Здесь осталось только одно свободное место, и советую вам занять его, если вы не предпочитаете сидеть на полу.

Сеффи подошла, волоча ноги, и села рядом со мной, отодвинув стул как можно дальше. И ни разу не взглянула на меня. Внутри у меня все словно плавилось.

– Ну, кто решил первый пример? – спросила миссис Пакстон.

Поднялось несколько рук. Моя – нет. Я хотел посмотреть на Сеффи, но не решался.

Стиснуть пальцы. Склонить голову. Закрыть глаза.

Я знаю... я знаю, что нулям не положено верить в Тебя и молиться Тебе, потому что на самом деле Ты Бог Крестов, но прошу Тебя, прошу Тебя, пусть никто и ничто никогда на свете не встанет между нами с Сеффи. Умоляю. Пожалуйста. Если Ты есть на небесах.

Глава 19

× Сеффи

Да пропади все пропадом! Время тянулось еле-еле, словно тащило за собой синего кита. Так выразился бы Каллум. Я улыбнулась, но улыбка тут же погасла. Так выразился бы Каллум раньше, когда еще разговаривал со мной. Раньше, когда был моим другом. Миссис Пакстон все разорялась про системы уравнений, как будто это было самое гениальное изобретение на свете после компьютера. И каждое ее слово влетало мне в одно ухо и с жужжанием вылетало из другого. Когда же зазвенит звонок? Ну, скорей, скорей... Наконец-то! Я даже не стала складывать учебники и тетрадки стопкой, а просто смела их в сумку как попало.

– Сеффи, подожди.

Я застыла полусидя, полустоя – будто курица, готовая снести яйцо. Медленно села обратно.

– Как ты себя чувствуешь? Все прошло?

– Да, спасибо.

Я по-прежнему не могла на него смотреть. Решила снова встать. Мне помешала ладонь Каллума, которая легла мне на руку. Он сразу убрал ее. Не может даже заставить себя прикоснуться ко мне.

– Я рад, – шепнул он.

– Правда? – Я вскинула голову. – А по первому впечатлению и не скажешь.

– Что это значит?

У меня зачесались кулаки: вот бы стереть это ошарашенное выражение с его лица. Кого, собственно, он хочет обмануть? Я оглядела класс. Все напряженно прислушивались, правда, изо всех сил старались не подать виду. Я понизила голос настолько, чтобы то, что я сейчас скажу, слышал только Каллум. И твердо решила про себя, что это последнее, что я ему скажу.

– Не притворяйся, будто волновался за меня, – процедила я. – Ты даже не пришел меня проводить. Даже открытку «Не болей» не прислал.

Взгляд Каллума прояснился. Он подался ко мне, тоже прекрасно понимая, что нас подслушивают.

– Я приходил к тебе каждый день. Каждый божий день, – шепнул он. – Твоя мама приказала не пускать меня. Я стоял за твоими воротами каждый день после школы. Спроси маму, если не веришь... Нет, спроси ее секретаршу Сару.

Молчание.

– Ты приходил навестить меня?... Каждый день?... Правда?..

– Спроси Сару.

Мне не нужно было спрашивать Сару.

– Сеффи, меня оттуда не оттащил бы целый табун мустангов.

Мы уставились друг на друга одинаково мрачно.

– Мне пора. – Я встала. Мы привлекли слишком много внимания.

Каллум тоже выпрямился.

– Послушай, давай встретимся сегодня на нашем месте после ужина. Здесь не поговорить.

Я повернулась, чтобы уйти.

– Сеффи, если не придешь, я все пойму, – прошептал Каллум.

Глава 20

• Каллум

Она не придет. Да и понятно – после всего, что ей пришлось пережить. После того как я бросил ее в беде. Надо быть честным с собой. То, что я сделал в столовой, было не ради Сеффи и даже не ради меня самого. Просто я испугался. Испугался, что меня заметят, испугался, что стану невидимкой. Испугался, что буду выглядеть слишком большим, испугался, что стану слишком маленьким. Испугался, что буду с Сеффи, испугался, что расстанусь с ней. Тут нет места ни шуточкам, ни увиливанию, ни вранью, ни иронии. Я просто испугался, испугался, испугался.

Одному богу известно, как я устал вечно всего бояться. Когда же это кончится?

– Привет, Каллум.

Голос Сеффи за спиной заставил меня развернуться на месте.

– Ой, привет. Ты как?

– Отлично. – Она отвела взгляд и посмотрела на море. – Славный вечер.

– Правда? Я не заметил. – Я проследил, куда она смотрит.

Да, и верно. Очень красиво. Небо полыхало, волны без устали бились о каменистый берег, рассыпая белые и серебряные брызги. Но я не стал ими любоваться. У меня были другие заботы.

– Персефона, пожалуйста, поверь мне. Я приходил тебя навестить, клянусь...

– Да, я знаю. – Сеффи улыбнулась мне.

Я нахмурился:

– Ты говорила с Сарой?

– Это было ни к чему. – Сеффи пожала плечами.

– Не понимаю. Почему ты не спросила у Сары?

– Потому что поверила тебе.

Тут я внимательно посмотрел на Сеффи и понял, что прежняя Сеффи, *моя* Сеффи снова со мной. От облегчения я словно воспарил на ангельских крыльях. Меня прямо затрясло – такое сильное оно было, это облегчение.

– Да и вообще моя мамочка в своем репертуаре. – Сеффи фыркнула.

Меня так и подмывало наброситься на нее с расспросами – и что, и где, и почему, – но я не мог. Не хотел испытывать удачу. Мы постояли некоторое время – просто здесь и сейчас. Но мне не давало покоя стремление все объяснить и попросить прощения: оно глодало меня, и дыра с каждой минутой становилась все больше.

– Жаль, что я не смогла в субботу поехать с тобой в Праздничный парк. – Сеффи вздохнула. – А ведь так ждала.

– Ничего страшного. Мы там уже бывали и поедем еще, – отмахнулся я.

Молчание.

– Сеффи, ты помнишь нашу последнюю поездку в Праздничный парк?

Сеффи сдвинула брови:

– Летом на пикник?

Я кивнул.

– Ага, конечно, помню. А что?

– А что ты помнишь? – спросил я.

Сеффи пожала плечами:

– Мы поехали на поезде. Пошли в парк, нашли укромное местечко, устроили пикник, поиграли в дурацкие игры, вернулись домой – и все, прекрасно провели день.

– Ты только это помнишь?

– Ну да, а что?

Я вгляделся в лицо Сеффи – не кривит ли она душой? Или это просто ее представление о правде – точка зрения, которая никогда не совпадала и никогда не совпадет с моей. Прекрасно провели день... Неужели она и в самом деле больше ничего не запомнила? Как странно. Мои воспоминания об этом дне были несколько иными...

Пикник

Глава 21 **× Сеффи**

Тогда, в Праздничном парке, мы провели чудесный день вдвоем. Я соврала – сказала маме, что еду туда с Хеленой и ее родителями. Я знала, что проверять мама не станет. Семья Хелены была почти такой же богатой, как мы, а по маминым представлениям это означало, что я точно не вру. То есть зачем мне врать, что я поеду куда-то на весь день с одной из самых богатых и при этом самых скучных девиц в моем классе? Да что там в моем классе – скорее уж во всем Северном полушарии.

Семья Хелены была «из нашего круга», как обожала говорить мама. Я могла торчать у нее сколько заблагорассудится.

В общем, я соврала. И вместо Хелены встретила на станции с Каллумом.

В парке было восхитительно. День прошел просто волшебю.

Не считая поезда.

Глава 22

• Каллум

Я не был уверен, что Сеффи придет. Правда, я никогда не был в этом уверен, а она *всегда* приходила. И каждый раз, когда она приходила, я твердил себе: «Вот видишь? Зря ты ей не веришь!» И сам себе отвечал: «В следующий раз. В следующий раз поверю».

Но наступал следующий раз – и я опять мучился мыслью, что именно сейчас Сеффи и не сможет прийти. Это было несправедливо по отношению к Сеффи, но каждый раз я думал, что вот и настал день, когда она подведет меня.

– Хватит ворон считать. – Голос Сеффи зазвенел в моих ушах в тот самый миг, когда ее костлявый острый палец ткнул меня прямо в почку, и я подскочил.

– Ну тебя, Сеффи. Я же просил так не делать.

– Да тебе же нравится! – Сеффи забежала вперед, сияя от уха до уха.

– Вообще-то нет.

– Ясненько-понятненько, не с той ноги встал.

Я перевел дух и улыбнулся. Ведь я не сам огрызнулся, меня заставили сомнения. А она пришла. Она здесь.

Глава 23

× Сеффи

Наверное, настанет день, когда Каллум забудется и я увижу, что он мне рад.

Просто я не собираюсь молча дожидаться, только и всего.

– Держи билет.

Я вручила его Каллуму. Пришлось совершить набег на банковский счет, чтобы купить два билета в первый класс. Можно было бы попросить денег у мамы или у Сары, но они стали бы расспрашивать зачем. Нет, так гораздо лучше. От этого сегодняшний день становился особенно «нашим» – ведь это были мои деньги, а не мамыны или чьи-то еще. Я просияла.

– Это будет расчудесный день.

Я прямо чувствовала.

Глава 24

• Каллум

Та поездка была сущий ад, вот что это было такое. Лично мне она испортила впечатление от всего остального дня.

Мы ехали в Праздничный парк. Осталось всего три остановки, когда они вошли. Полиция, проверка документов. Их было двое, и на лицах намертво застыла скука.

– Удостоверения личности, пожалуйста. Удостоверения личности, пожалуйста.

Сеффи удивилась. Я нет. Когда полицейские добрались до вагона первого класса, мы достали удостоверения. Я наблюдал, как бегло полицейские просматривают карточки всех Крестов в вагоне. Я был единственным нулем. Неужели они задержатся и станут меня допрашивать?

Ха! Еще бы, своего они не упустят.

Прямо передо мной остановился полицейский – поджарый, со щегольскими тонюсенькими усиками. Посмотрел на меня, молча взял удостоверение личности.

– Имя-фамилия? – рявкнул он.

«Что происходит? Ты читать разучился?!»

– Каллум Макгрегор.

– Возраст?

– Пятнадцать.

«Цифры тоже подзабыл, да? Бедняжка».

– Куда едешь?

– В Праздничный парк.

– Зачем?

«На педикюр».

– На пикник.

– Где живешь?

«На Луне».

– В Медоувью.

Идиллическое название нашего района совсем не соответствовало действительности. Лучше бы подошло что-то типа «Помойка»¹.

Полицейский внимательно посмотрел на удостоверение, потом на меня, потом снова на удостоверение. Там стоял мой отпечаток большого пальца. Неужели полицейский сейчас вытащит лупу и попросит показать правую руку, чтобы сравнить отпечаток на удостоверении с оригиналом? Я бы не удивился.

– Далековато ты от дома, парень.

Я прикусил нижнюю губу: сейчас лучше промолчать, а то ляпну не то, чего доброго. Оба офицера встали передо мной. Между их ногами и моими коленками было и скрепку не всунуть. Я вздохнул.

«Дамы и господа, для вашего пущего удовольствия – очередной показ спектакля „Парень, ты нуль, и мы не дадим тебе забыть об этом, пустышка“».

– Билет покажи.

Я дал ему билет.

– Откуда у тебя деньги на такой билет?

¹ Медоувью – пригород Лондона, который существует и в нашей реальности. Буквально его название означает «вид на лужайку». – Прим. ред.

Я посмотрел на них снизу вверх, но ничего не сказал. А что тут скажешь? Они уже учуяли кровь, не оставили мне шансов, что бы я ни говорил, что бы ни делал. К чему тогда трудиться?

– Я задал вопрос, – напомнил Усатый.

Будто я забыл.

– Ты сам купил этот билет? – спросил помощник Усатого.

Что ответить – правду или полуправду? О чем только думает Сеффи? Я ее не видел. Эти два придурка заслонили ее. Если бы я видел ее лицо...

– Я задал тебе вопрос, парень. Ты сам купил этот билет?

– Нет, не сам, – ответил я.

– Пройдем с нами.

Решили надрать мне задницу. Решили отыгаться на моей пятой точке. Решили пнуть меня пониже спины и высадить из поезда.

«Да как он смеет, этот нуль, расслаивать в первом классе? Возмутительно. Скандально. Отвратительно! Сейчас же продезинфицируйте сиденье».

– Офицер, он со мной. Это я купила билеты. – Сеффи встала. – Что-то не в порядке?

– А вы кто такая?

– Персефона Хэдли. Мой отец – министр внутренних дел Камаль Хэдли. Каллум – мой друг, – отчеканила Сеффи.

– Друг?

– Да, друг. – В голосе Сеффи прозвучали стальные нотки, каких я прежде не слышал. По крайней мере, от нее.

– Ясно, – сказал Усатый.

– Могу дать вам личный телефон отца. Не сомневаюсь, он мгновенно все уладит. Или поговорите с его личным секретарем Юноной Айелетт.

Осторожно, Сеффи. Не надо сыпать именами – как бы мне на них не навернуться.

– Что-то не так, офицер? – переспросила Сеффи.

Чем это пахнет? Мне померещилось или в воздухе повис отчетливый аромат угрозы? И не я один его почуял. Усатый вернул мне удостоверение.

– Хотите, тоже покажу документы? – Сеффи протянула ему свою карточку.

– В этом нет необходимости, мисс Хэдли. – Усатый только что не отвесил ей поклон.

– Посмотрите, я не возражаю! – Сеффи сунула карточку прямо ему под нос.

– В этом нет необходимости, – повторил Усатый, уставившись на Сеффи в упор. На ее удостоверение он даже не взглянул.

Сеффи села обратно.

– Что ж, если вы так уверены... – И отвернулась к окну, показав, что Усатый больше здесь не нужен.

Ее мать могла бы ей гордиться. Усатый свирепо покосился на меня, будто это я был во всем виноват. Его публично унизили, причем унизила, в сущности, девчонка, и он искал, на ком бы сорвать злость. Сеффи оказалась вне досягаемости, и я теперь тоже. Усатого так и подмывало напомнить, кто тут главный, но он не мог. По крайней мере, с нами этот номер уже не пройдет. Усатый с коллегой двинулись дальше по вагону. Сеффи повернулась ко мне и подмигнула.

– Ты как? – спросила она.

– Нормально, – соврал я. – Вот веселье.

– Да нет, не то чтобы веселье. – Сеффи снова посмотрела на пробежавший за окном пейзаж. – Но я не допущу, чтобы кто-нибудь испортил мне день, даже полиция. Праздничный парк, мы к тебе!

Я тоже стал смотреть в окно. Лишь бы не глядеть на Сеффи. Надо прийти в себя. Я не хотел винить ее за то, как обращается полиция и со мной, и со всеми моими знакомыми

нулями. Не хотел призывать ее к ответственности за то, как следят за мной охранники в торговых центрах. И за то, что я перестал ходить в книжные и игрушечные магазины и магазины подарков, когда понял, что все глаза уставлены на меня, куда бы я ни пошел. Ведь стараниями Крестов всем известно, что мы, нули, никогда не платим, если можно исхитриться украсть. Я не хотел обижаться на Сеффи за то, что все считают, будто ей учиться важнее, чем мне, и это как бы само собой разумеется. Не хотел ненавидеть ее просто потому, что она Крест и мы с ней разные. Поэтому я и глядел в окно, заглатывая вставший в горле ком отвращения все глубже и глубже. Глубже и глубже. Как обычно.

Мне расхотелось смотреть на Сеффи. Потом посмотрю. *Не сейчас.*

Катастрофа

Глава 25

× Сеффи

– Ты думаешь о тех полицейских в поезде, да? – спросила я.

Каллум даже не попытался это скрыть. Да и зачем скрывать? Будь я на его месте, они бы взбесили меня не меньше.

«Взбесили... Скажешь тоже, Сеффи. Они тебя не просто взбесили. А ведь прицепились даже не к тебе».

– Зачем ты напомнил мне про нашу поездку в Праздничный парк? – спросила я.

Каллум пожал плечами, потом улыбнулся.

– Потому что это был хороший день. День, когда мы были только вдвоем и нас никто не трогал – после того, как мы очутились в парке.

Неправда. Он хотел что-то сказать про нашу поездку в Праздничный парк и про то, что мама не пустила его ко мне. С его точки зрения это связано. Я не дура. И не настолько наивна, как раньше. Я наконец-то взрослею. Мне очень хотелось, чтобы Каллум рассказал мне, что на самом деле думает, что на самом деле чувствует, но, честно говоря, в глубине души я боялась. Поэтому небрежно кивнула – и все. Неважно, что я скажу Каллуму или еще кому-то: главное мое воспоминание о том дне – полицейские, и как они обращались с Каллумом, и как меня жгла обида за него, и как я сгорала со стыда за них. И за себя. В последнее время мне часто стыдно за себя, и, признаться, отчасти в этом виноват Каллум. Я не хочу, чтобы мне было стыдно за то, что я просто есть, но в его присутствии у меня возникает именно такое чувство.

В голове у меня вдруг поднялся целый вихрь вопросов. Как так получилось, что в старых черно-белых фильмах актеры-нули играли только тупых пьяниц и бабников? А актрисы-нули – только безмозглых служанок? Когда-то нули были нашими рабами, но рабство давным-давно отменили. Почему нулей показывают в новостях, только если новости плохие? Почему я теперь не могу смотреть на прохожих на улице, не задумываясь, чем и как они живут?

Я стала наблюдать за людьми: и за нулями, и за Крестами. Изучать их лица, позы, как они разговаривают со «своими». Как разговаривают с теми, кто не похож на них. И хотя нашла очень много различий, сходство все равно перевешивало. Рядом со своими нули держались непринужденно, что им редко удавалось при Крестах. А Кресты при появлении нуля вблизи всегда настораживались. Перехватывали покрепче сумки, ускоряли шаг, голоса звучали резче и бесцеремоннее. Наши жизненные пути пересекались, но никогда не соприкасались по-настоящему. Мир был полон чужаков, и все, что с ними связано, вызывало *страх*. Я больше ничего не могла воспринимать как данность. И собственную жизнь, и чужую. Ничего.

Не могу вспомнить, когда все так осложнилось. Несколько лет назад, а может, и несколько месяцев, жизнь была простой и понятной. Однако боль в груди яснее всяких слов говорила мне, что прошли те времена.

– Хороший все-таки был день, правда? – Каллум улыбнулся.

Я не сразу сообразила, о чем он.

– Да, хороший.

Правда, но не только правда, и не то чтобы ничего кроме правды.

Каллум, скажи, что у тебя на уме. Скажи, что бы это ни было. Я все пойму. По крайней мере, постараюсь...

Но он промолчал. Молчание затянулось, момент был упущен.

– Скоро зима. – Я вздохнула.

Зимой мне всегда становилось сложнее улизнуть из дому, чтобы увидаться с Каллумом. Когда я постоянно бегала на пляж, мама с этим мирилась, поскольку с ее точки зрения я любила помечтать, а на пляже мне хорошо мечталось. В отличие от городского дома, загородная резиденция почти не охранялась, и я, в сущности, могла приходить и уходить, когда вздумается – в пределах разумного. А зимой с точки зрения мамы прогулки на пляж были уже не в пределах разумного. Честно говоря, я и сама не то чтобы обожала спускаться на пляж в темноте. От сумрака, длинных теней и набрякшего от тишины воздуха мне становилось... не по себе.

– Кто тебя отметелил?

– Что, прости?

– Кто тебя побил? – повторил Каллум.

– Меня все спрашивают. – Я вздохнула. – Может, не будем на эту тему?..

– Ты что, хочешь, чтобы им все сошло с рук?

– Нет, конечно. Но я толком ничего не могу с этим поделать. Естественно, я собиралась обо всем рассказать директору, и пусть он их исключит, а еще я собиралась насыпать кнопок им в туфли и подловить каждую поодиночке. Собиралась – но они того не стоят. Что было, то прошло, и теперь я хочу обо всем забыть.

– Расскажи, кто это сделал, а потом можешь забыть, – попросил Каллум.

Я нахмурилась:

– Что ты затеял? Не дури!

– Ничего. Просто хочу знать, кто так с тобой поступил.

– Лола, Джоанна и Дионна из класса миссис Уотсон, – проговорила я наконец. – Но это уже неважно. Договорились?

– Договорились.

– Каллум!

– Мне просто было интересно. Да и что я могу поделать? Они – Кресты, а я жалкий нуль. – Каллум потеревил завиток на лбу, а потом отвесил мне низкий шутовской поклон.

– Прекрати!

– Что прекратить?

– Каллум! Это же я, Сеффи! Я тебе не враг.

– А я и не говорил...

Я прижала ладони к щекам Каллума.

– Каллум, посмотри на меня. – И убрала руки, только когда почувствовала, как он весь расслабился.

– Извини, – сказал он наконец.

– И ты извини, – ответила я. – И ты.

Глава 26

• Каллум

Вернувшись домой, я застал там скандал, и в кои-то веки он не имел отношения ко мне. У Линетт случился очередной «приступ», а Джуд, как обычно, позволил себе впасть из-за этого в истерику. Когда я шагнул за порог и услышал, как он орет на нее, я подумал: «Ничего нового, ничего нового!»

Но я ошибался.

Линетт впервые в жизни закричала на Джуда в ответ. Мои сестра и брат стояли нос к носу, а папа пытался вклиниться между ними и разнять, но где там. У Джуда из рассеченной губы текла кровь.

– Ты мерзавец, и больше ничего! – кричала Линетт во весь голос. – И к тому же невоспитанный!

– Я хотя бы в здравом уме! – бросил ей в лицо Джуд.

– Это еще что значит? – спросила Линетт.

– Джуд, не надо. Линетт, прошу тебя! – Особых успехов папа не добился.

Я посмотрел по сторонам в поисках мамы, однако сразу сообразил, что ее дома нет. Она ни за что не допустила бы, чтобы все зашло так далеко. Зато папа был дома и вел себя как обычно – то есть как слабак.

– Папа, что происходит? – Я потянул его за рукав.

Папа обернулся, хотел стряхнуть мою руку – а Джуд только и ждал, чтобы он отвлекся, и бросился на Линетт. Та ударила его по лицу. Миг – и папа снова вклинился между ними, чтобы разнять. С тех пор как у Линетт отключился мозг, я не видел, чтобы они с Джудом дрались.

– На что ты похожа?! Возомнила, будто мы недостойны даже дышать с тобой одним воздухом! – прошипел Джуд. – Так вот, у меня для тебя новости, сестричка. Когда трефы смотрят на тебя, они видят такую же белую, как я, сколько ни манерничай!

Опять трефы. В последнее время у него одни «проклятые трефы» – буквально через слово.

– Я не такая, как вы. Я... я другая. Я чернокожая. Посмотри, какая у меня темная кожа. Посмотри...

Джуд оттолкнул папу, схватил Линетт за руки и подтащил к треснутому настенному зеркалу за диваном. Развернул спиной к себе, прижался щекой к ее щеке. Линетт хотела вырваться, но Джуд не отпустил ее.

– Гляди! – зарычал он. – Ты такая же, как я. Такая же белая, как я. Кем ты себя воображаешь? Нечего смотреть на меня сверху вниз, надоело! Ты ничтожество, я других таких даже не знаю! Если ты настолько ненавидишь то, что ты есть, сделай что-нибудь! Умри от чего-нибудь! А если есть на свете Бог, ты возродишься проклятой трейфой, раз так их любишь, и тогда я перестану мучиться совестью за то, что ненавижу тебя!

Джуд оттолкнул Линетт от себя. Она споткнулась, упала, вытянув перед собой руки, словно хотела оттолкнуть зеркало.

– Папа, сделай что-нибудь! – закричал я.

– Джуд, довольно. Ты и так уже зашел слишком далеко, – выдал папа.

– Да я еще и не начал! – Джуд развернулся к нему, ноздри у него раздувались. – Ей пора услышать правду хоть от кого-то, а кто еще ей все расскажет? Ты? У тебя кишка тонка! Мама и слова не скажет, потому что Линетт у нее в любимчиках, а Каллуму дела ни до кого нет, кроме своей трейфовой подружки Персефоны! Кто еще покажет Линетт, как все на самом деле?

– А ты кто такой, чтобы кому-то показывать, как все на самом деле? – закричал на него я. – Ты вечно уверен в своей правоте! Меня от тебя тошнит! Не одна Линетт у нас в доме тебя на дух не переносит!

Джуд вытаращился на меня. А потом вдруг взвыл, будто раненый зверь, и бросился на меня. Я успел только отступить на шаг – и тут голова Джуда врезалась мне в живот, он сшиб меня на пол, и у меня захватило дух. Оглушенный, я не понимал, почему не чувствую ударов его кулаков, и только потом сообразил, что его от падения на землю тоже оглушило. Я отпихнул его подальше и подтянул ноги к груди, чтобы поддать ему коленкой. Он застонал, но не отпустил меня. Занес кулак. Я заслонился локтями, чтобы он не ударил меня в лицо.

Тут Джуда вдруг оттащили.

– Ты что, спятил? – кричал на него папа, лицо у него от злости стало кирпичного цвета.

Я вскочил на ноги, готовый к бою. Джуд хотел снова броситься на меня, но папа был категорически против.

– Не смей поворачиваться ко мне спиной, когда я с тобой разговариваю! – рассвирепел он.

– А пошел ты, папа!

Джуд уже отвернулся от него.

И тут папа огорошил нас обоих. Он крутанул Джуда за плечо и наотмашь ударил по лицу. Мама не задумываясь раздавала затрешины, когда мы злили ее, но папа ни разу в жизни даже не повысил голоса и тем более не поднял на нас руку.

– Не смей больше никогда, ни за что в жизни разговаривать со мной в таком тоне. – Голос папы звучал совершенно спокойно, но от этого становилось только страшнее. – Я старый человек и навидался в жизни достаточно всякой дряни, с которой мне пришлось мириться, чтобы терпеть еще и неуважение в собственном доме. Ты себе не представляешь, что пережила твоя сестра, – как ты смеешь судить ее?!

– А что такого особенного она пережила? – Джуд шмыгнул носом, потер лицо. Вид у него стал такой, словно ему не семнадцать лет, а семь.

– Три года назад на Линетт и ее парня напали. Наши. Трое или четверо мужчин-нулей. – Голос у папы стал сиплый от презрения. – Неужели ты не помнишь, как мама лишилась работы, а тебе пришлось бросить школу – и примерно тогда же Линетт довольно долго не было дома?

– Вы говорили, она поехала в гости к тете Аманде. – От ужаса я еле выговаривал слова. – Вы сказали, тетя Аманда заболела и Линни вызвалась поухаживать за ней.

– Мы с мамой тогда не могли сказать вам ничего другого. Эти люди едва не забили мальчика Линетт насмерть, а саму Линетт избили так, что она пробыла в больнице больше двух недель. Она умоляла нас не рассказывать вам, что случилось на самом деле.

– Я не знал... – выдохнул Джуд.

– А ты знаешь, за что на Линетт напали? – продолжал папа, словно не слышал Джуда. – За то, что ее парень был Крест. Твою сестру избили и бросили умирать, потому что она встречалась с Крестом. И она нам даже не говорила о нем. Она боялась, что мы будем против. Что удивительного, что теперь она не может считать себя одной из нас? Что удивительного, что теперь она не выходит из дома? Она с тех пор не в себе, потому что страдает. Не трогай ее. Ты слышал меня? **ТЫ СЛЫШАЛ МЕНЯ?**

Джуд кивнул. И я тоже кивнул, хотя папа обращался не ко мне. Повернулся посмотреть на Линетт. На Линетт, мою сестру.

– Папа, у нее кровь, – показал я.

Папа молнией метнулся к ней. Ладони у Линетт были в крови – она порезалась о треснутое зеркало. Она смотрела на багровые пятна на руках, словно впервые в жизни видела собственную кровь. Подняла голову и посмотрела на свое отражение в зеркале, будто и собственное лицо видела впервые в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.